

Приключения поручика Ордынцева

Наталья Александрова

Батумский связной

«Автор»

2001

Александрова Н. Н.

Батумский связной / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2001 — (Приключения поручика Ордынцева)

Крым, 1919 год. Пламя Гражданской войны, белые, красные, зеленые, греческие контрабандисты и турецкие шпионы, грузинские абреки и татарские боевики... Именно сюда приезжает Борис Ордынцев, пытаясь найти пропавшую сестру Варю. Однако в первую же ночь в Феодосии он становится свидетелем убийства. Контрразведка склонна подозревать в преступлении самого Ордынцева. Чтобы доказать свою невиновность, он вынужден начать собственное расследование. Но пока что его единственная зацепка – карточка с адресом сомнительной кофейни «Париж», найденная под кроватью убитого...

© Александрова Н. Н., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Александрова

Батумский связной

*Памяти генералов А.И. Деникина и
Я.А. Слащева, поручиков Сергея
Мамонтова и Павла Макарова,
сестры милосердия Софьи
Федорченко и многих других
известных и безымянных участников
и свидетелей описываемых событий,
без чьих бесценных воспоминаний
эта книга не могла бы появиться.*

Глава первая

Борису снилось, будто дикие негры собираются изжарить его на костре и бьют в свои огромные барабаны. Этот ужасный грохот переполнял его сон, гудел жуткой болью в голове, и наконец от боли этой Борис проснулся. Однако ни грохот, ни боль не прекратились.

Борис лежал в одежде и ботинках поперек жесткой гостиничной койки, а в дверь его номера стучали какие-то люди. Голова болела невыносимо. Смутно вспоминался вчерашний вечер, невзрачный назойливый человек в неуместной черкеске... кажется, они играли... кажется, пили... Для Бориса это было странно – он никогда не играл, да и пил мало... но уж больно назойливым был вчерашний господин... И нахлынула вчера вечером жуткая тоска, так что он даже рад был случайной компании... Но пили-то ведь немного, отчего же голова так раскалывается...

Борис с тяжелым стенанием поднялся с койки, повернулся к дверям. Господи помилуй, ну что же они так стучат? Да и рань-то какая. Еще даже не рассвело!

– Откройте сию минуту! – надрывался за дверью командный дребезжащий голос. – Открывайте, не то выломаем дверь! Антонов, ломай!

Борис прошел к двери, мутным тоскливым взглядом окидывая бедную и уродливую гостиничную комнату. Железная скрипучая кровать, кривой умывальник в углу с треснутым фаянсовым тазом, хозяйская гордость – кресло с высокой резной спинкой... В кресле сидел кто-то, плохо различимый в предрассветной полутьме, – неужто вчерашний назойливый господин?

Борис откинул щеколду, и в комнату, сразу сделав ее тесной, ввалились какие-то разгоряченные и злые – видно, от раннего времени – люди: парусиновый, полотняный, с хитрыми маленькими глазками лакей – вчера Борис видел его и немалые деньги на чай дал, – двое бордатых заспанных солдат и офицер, штабс-капитан с бледным горячечным лицом и воспаленными красноватыми глазами. Сзади жался хозяин – маленький, плешивый, полуодетый. Вытащили его рано из теплой постели, и пошел он, только чтобы скандал на корню притушить. Завязки кальсон нахально выглядывали из-под края штанин, а в глазах светился давнишний, еще в семнадцатом году зажегшийся испуг.

– Что вам угодно, господа? – растерянно спросил Борис, обступленный и зажатый пришедшими.

– Что нам угодно? – с горячим ехидным возмущением переспросил офицер.

Он поднял высоко керосиновую горящую лампу и осветил человека в кресле. Это был вчерашний назойливый господин в неопрятной грязно-белой черкеске, залитой чем-то тем-

ным. Голова его была странно запрокинута, редкая козлиная борода вздымалась кверху, и под этой бородашкой темнела роговая рукоять кинжала.

Керосиновая лампа пыхнула неожиданно ярким светом, и Борис разглядел, как при вспышке молнии, лицо этого господина – удивленное и как бы заспанное, а также бурые пятна крови на черкеске. Кинжалом, по рукоять воткнутому в горло, господин был приколот к спинке кресла, как диковинный жук в коллекции энтомолога.

В детстве – в той, прежней, жизни, задолго до всех этих белых, красных, зеленых – Борис заходил в кабинет к отцу и тот сажал его к себе на колени – колкая щека, запах хорошего одеколора и дорогого табака – и показывал ему плоские прозрачные ящички, в которых удивленные и заспанные жуки сидели на булавках...

– Что нам угодно? – яростно повторил штабс-капитан. – Нам угодно, милостивый государь, чтобы вы рассказали, как и почему убили этого господина!

Борис растерянно огляделся.

– Я его не убивал, даю вам слово!

– Ваше слово недорого стоит! – презрительно оборвал его штабс-капитан. – Сами посудите: мы застаем вас возле трупа, комната ваша была заперта изнутри на засов. Орудие убийства налицо. Чего же еще?

– Подумайте сами, господин штабс-капитан, – безнадежным голосом проговорил Борис, – ну неужто бы я остался ночевать подле трупа, если бы сам этого господина убил? И потом, что за корысть мне его убивать?

Зрачки офицера расширились, отчего глаза его яростно потемнели. Злым свистящим шепотом, склонившись к Борису, он прошипел:

– Это уж мы с вами знаем, какая у вас была корысть! – И, видя, что Борис недоуменно заморгал глазами, и еще больше разозлившись, добавил: – И на допросе вы мне расскажете все! В подробностях! – И тут же, распрямившись, будто пружина, возвысил голос и скомандовал: – Сидорчук! Протокол задержания!

В комнату прошмыгнул плюгавый молодой человек в довоенном лоснящемся костюме с гимназическими чахлыми усиками и картонной папкой под мышкой. Пристроившись бочком на гостиничной койке и развернув папку, изготовился писать.

– Мною, контрразведки Добровольческой армии¹ капитаном Карновичем, произведено задержание, – напевно продиктовал офицер привычную фразу, доставляющую ему, по всей видимости, немалое удовольствие, а дальше задумался и продолжил без прежнего радостного напева, деловой сбивчивой скороговоркой: – Задержание подозреваемого в убийстве, именуемого себя... – Он поднял глаза на Бориса, выжидательно кашлянув.

Борис возмущенно дернулся и проговорил:

– Никого я не убивал. Зовут меня Ордынцев Борис Андреевич, я из Петербурга... то есть из Петрограда, не привыкну никак... юридического факультета бывший студент...

– Именуемого себя Борисом Ордынцевым, – продолжил диктовать штабс-капитан, – задержан оный с поличным, возле трупа неизвестного... неизвестного господина, личность которого устанавливается... убитого оным Ордынцевым путем пронзения кинжалом.

Сидорчук поднял было глаза на офицера – видимо, его грамотную писарскую душу не устроило «пронзение кинжалом», но после смирился и продолжил писать.

– Свидетелями чего являются господин Кастелаки, хозяин гостиницы «Париж», и лакей оной гостиницы Просвирин, коего лакея своевременный донос послужил к данному задержанию...

---

¹ Основная ударная сила Белого движения на юге России в 1918—1920 гг. Формировалась со 2 ноября 1917 г. в Новочеркасске генералом М.В. Алексеевым на принципе добровольчества из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, кадетов старший классов, студентов, гимназистов и др.

Грамотный Сидорчук недовольно поморщился, но ничего не сказал и продолжал писать далее.

– Чьи собственноручные подписи к данному протоколу прилагаются. Август, 4-го числа 1919 года, Феодосия. И подпись – штабс-капитан Карнович.

Запуганный хозяин написал на листе – «Кастелаки», лакей Просвирин, гаденько ухмыляясь, поставил рядом жирный крупный крест.

– Ну-с, – расправил плечи офицер, – не будем больше утомлять господина Кастелаки своим присутствием. Вещи можете с собой взять, – милостиво добавил он.

Борис наклонился, собирая разбросанные по полу вещи. Вообще в номере был жуткий беспорядок, как будто что-то искали.

Писарь в это время, прочитав протокол, шептал что-то на ухо штабс-капитану. Тот встрепенулся и приказал:

– Антонов! Обыскать задержанного!

Борис кусал губы от брезгливости, когда грубые руки шарили по телу. Антонов нашел паспорт, немного денег и золотой медальон с порванной цепочкой, где была фотография Вари. Офицер повертел в руках медальон и бросил Борису. От неожиданности Борис схватил рукой воздух, и медальон покатился под кровать. Борис наклонился, преодолевая головокружение. Под кроватью в пыли лежал медальон и белый кусочек картона, что-то вроде визитной карточки. Борис автоматически поднял ее и пихнул в карман.

Большие бородатые солдаты встали по сторонам Бориса и подтолкнули к выходу. Борис пошел в полной растерянности. Дикое обвинение в убийстве казалось ему несуразным, оно сейчас же должно рассеяться как дым.

Одноэтажное розовое здание контрразведки стыдливо пряталось в саду неподалеку от торговой Итальянской улицы. Бориса провели в пустую чистую комнату с одиноким столом в углу. Один из солдат вытянулся возле дверей, второй ушел куда-то. Штабс-капитан картинно потянулся, хрустнув суставами, и неожиданно заорал истеричным базарным голосом:

– Шпион! Сволочь турецкая!

Борис вздрогнул больше от неожиданности, чем от испуга и посмотрел на офицера как на сумасшедшего. Тот, однако, коротким шагом стремительно приблизился к Борису и резко ударил в живот. Борис охнул, как бы поперхнувшись воздухом, в глазах у него потемнело, и минуту он не мог вдохнуть, воздух стал тверд, как стекло, и жгуч, как черный перец.

Лицо штабс-капитана оказалось близко-близко, оно было неестественно бледно, глаза из светлых стали черными от того, что зрачки расширились мертвыми пистолетными дулами.

«Он кокаинист», – отстраненно думал Борис как о чем-то совершенно его не касающемся, например о государственной системе Эфиопии. Штабс-капитан зашел сбоку и ударил Бориса по почкам. Боль была такая, что комната качнулась, как пароходная палуба, и стала маленькой и далекой. Оттуда, издалека, Борис услышал чей-то стон и с удивлением понял, что это стонет он сам.

– Ты мне расскажешь, ты мне все расскажешь, – тихо и даже как-то ласково приговаривал Карнович.

Боль от побоев придавала удивительную достоверность его диким словам.

«Шпион? – без прежнего удивления подумал Борис. – Я – турецкий шпион? Должно быть, мне придется в это поверить, чтобы прекратилась эта ужасная боль».

Карнович отошел на шаг и посмотрел на Бориса, чуть склонив набок голову, как художник смотрит на незаконченное полотно. Найдя в своей работе некоторую незавершенность, он быстрым и точным взмахом ударил Бориса в лицо. Рот наполнился теплым и соленым, Борис вынул выбитый зуб и посмотрел на него, как на лишнюю чужую вещь.

Штабс-капитан удовлетворенно откинул голову, с удовольствием втянул воздух, как будто вышел из душной накуренной комнаты на легкий морозец, и с хрустом потянулся. Затем он достал из кармана кителя сложенную вчетверо бумажку, поднес ее к носу...

«Точно, кокаин нюхает», – мысленно подтвердил Борис свою прежнюю догадку, наблюдая, как черные зрачки Карновича сужаются в точки.

– Ну-с, – радостно и даже доброжелательно продолжил Карнович, – я жду.

– Чего? – глупо переспросил Борис, выпустив при этом изо рта кровавый пузырь.

– Признания, милостивый государь, вашего чистосердечного признания. Как вы, судя по всему, русский дворянин, вступили в сношения с турецкой шпионской сетью, какие задания выполняли для врага, какой вред причинили Отечеству. Наконец, как и почему вы убили того господина в гостинице «Париж».

– Однако, – попробовал Борис прервать Карновича, – какие у вас причины считать меня турецким шпионом? Я и к убийству непричастен, но здесь я по крайней мере понимаю, на чем основаны ваши подозрения, но уж по части шпионажа... увольте, никак не понимаю!

Говорить было больно, разбитые губы плохо слушались, кровь наполняла рот, поэтому слова выходили шепелявы и самому Борису казались неубедительны. Но он торопился говорить, чтобы полоумный штабс-капитан опять не начал его бить.

Неожиданно дверь отворилась, и на пороге появился господин средних лет в золотом пенсне и форме подполковника. Форма не вязалась с чрезвычайно штатским и как бы довоенным обликом вошедшего. Чуть седые, слегка редеющие волосы, острая – клинышком – профессорская борода... Борис немедленно вспомнил это лицо – в прежней, петроградской, жизни господин этот звался профессором Горецким и читал на юридическом факультете уголовное право. Борис встретился с профессором взглядом и прочитал в его глазах встречное узнавание. Он собрался было обратиться к Горецкому и открыл уже для этого рот, но профессор сделал едва уловимое движение бровью, остановив его, и повернулся к штабс-капитану:

– Что я вижу, Карнович? Вы за старое принялись? Этот мордобой, эти ваши методы! Мы с вами не в махновском застенке! Вы мараете священный добровольческий мундир!

Борис с удивлением наблюдал, как переменялся при этих словах мягкий и штатский с виду профессор: лицо его застыло и отчеканилось в бронзовую свирепую маску, пенсне слетело, заболтавшись на черном шелковом шнурке, и оттого глаза Горецкого приобрели неожиданный холодный презрительный блеск. Даже фигура его вылилась в мощную и напряженную форму, к которой удивительно шел строгий офицерский френч.

– Ваше высокоблагородие! – растерянно и зло проговорил Карнович. – Это же турецкий шпион и убийца! С личным пойман! Какие тут могут быть антимонии! Выбить из него признание, пока с мыслями не собрался да не выдумал себе каких-нибудь оправданий!

– Господин штабс-капитан! – оборвал его сурово подполковник. – Извольте не называть подозреваемого шпионом и убийцей, пока ни то ни другое обвинение не доказано! Какие у вас есть основания к такому скоропалительному вердикту?

– Господин подполковник! Ваше высокоблагородие! – Карнович подошел ближе, и Борис увидел, что зрачки его снова болезненно расширились. – Ваше высокоблагородие, мы ведь не в суде присяжных, мы в контрразведке, здесь всякое промедление смерти подобно!

– Вот-вот, любезнейший Людвиг Карлович, вы мне и объясните, почему человек, обвиняющийся в заурядном убийстве, попал к нам, в контрразведку?

– Сегодня на рассвете поступил сигнал от лакея гостиницы «Париж», некоего Просвирина, о подозрительных звуках в номере этого господина. При обыске обнаружили его там наедине с трупом неизвестного, заколотого кинжалом. Комната изнутри закрыта была на засов, так что, кроме него, некому...

Подполковник, который тем временем присел к столу и что-то быстро написал на листке бумаги, поднял глаза на Карновича и спросил:

– При чем же здесь контрразведка?

Штабс-капитан быстрыми шагами пересек комнату, склонился к подполковнику и что-то прошептал ему на ухо. Тот вздел пенсне на положенное место, внимательно посмотрел на Карновича, потом на Бориса, встал и подошел к арестованному. Легким касанием руки повернул его к свету и взгляделся в его лицо, а после обернулся к штабс-капитану и назидательно произнес:

– Как бы там ни было, Людвиг Карлович, мы с вами не должны забывать, что служим в Добровольческой армии, и мундир наш должен быть незапятнан. Благородному делу можно служить только благородными средствами, фраза «цель оправдывает средства» выдумана низкими людьми. Извольте сейчас отправить арестованного в камеру, а мы с вами покуда разберем все детали дела.

Горецкий развернулся и, тяжело печатая шаг по скрипучим половицам, покинул комнату. Борис смотрел ему вслед с удивлением: во-первых, его поразила происшедшая за несколько лет с профессором метаморфоза, Горецкий приобрел новую силу и энергию и как бы помолодел, словно кровавая сила революции и войны омыла его живой водой. Во-вторых, когда Горецкий прикоснулся к Борису, он незаметно опустил что-то в карман молодого человека.

Карнович с неудовольствием посмотрел вслед Горецкому, снова вынул из кармана сложенную бумажку, поднес ее к носу и втянул воздух... Затем он обернулся к солдату у дверей и скомандовал:

– Отконвоировать в тюрьму!

Из-за двери появился второй солдат, видимо, карауливший снаружи. Прежним порядком сжав Бориса с двух сторон, солдаты вывели его на улицу.

Тюрьма была довольно далеко от контрразведки, Бориса вели через Итальянскую, потом мимо рынка, где кипела уже обычная дневная жизнь. Народ кишмя кишел. Торговки суетились, расхваливая свой товар. Старухи шмыгали от телег к горшкам, от горшков к огурцам и капусте, а татарские мальчишки шныряли взад и вперед, бросая камешки в голодных разношерстных собак. В мясных лавках телячьи головы выглядывали из кадок, выставляя языки покупателям. Среди рыночных лотков с яркой и ароматной южной снедью плыл огромный и величественный повар с английского броненосца «Мальборо». Толстым красным пальцем тыкая в корзины с помидорами или капустой, он говорил единственное русское слово, которое сумел выучить:

– Этого! – и плыл дальше, могущественный и важный среди рыночной мелюзги, как его родной броненосец среди мелких турецких фелюг и плоскодонок. На вывеске духанщика злобный баран скалил страшные зубы, похожий на волка в перманентной завивке, косясь на выразительную надпись: «Чебурек – пашлик. Продажи вина, различных водок и напитков».

Борису ужасно захотелось есть.

– Господа солдаты, – по-хорошему обратился он к конвоирам, – нельзя ли мне съестного какого-нибудь купить? И на вашу бы долю пришлось!

– Другому бы человеку, – назидательно ответил старший солдат, обращаясь как бы не к Борису, а к своему напарнику, – другому разве ж мы не позволили? Что ж мы, не христиане? С милой душой! Но на этого шпиёна мне даже смотреть-то и то противно! Отправил бы его к Троцкому в штаб, да и дело с концом! Так ведь охвицеры наши покуда бумаги все оформят... Вот у красных с энтим просто – отвели в овраг, да и угобзили бы по самые микитки...

Борис вздрогнул – приходилось ему слышать все эти словечки, пока ехал поездом до Орла. У красных говорят – «к Духонину в штаб», «к Колчаку для связи», у этих – «к Троцкому», а суть одна – к кирпичной стенке и залп...

«Что б тебя, сволочь бородатую, самого комиссары к стенке поставили!» – в сердцах пожелал он.

Мимо по улице прошла, печатая шаг, колонна гвардейцев-корниловцев – офицерская выправка, новенькая форма, нашивка на рукаве с мертвой головой и скрещенными костями – Молодая гвардия, участники Ледяного похода²...

С этих гвардейских именных частей – вначале полки дроздовцев, корниловцев и марковцев, потом дивизии – началась в восемнадцатом году Добровольческая армия. Они совершили в феврале восемнадцатого легендарный Ледяной поход. Их называли в Добрармии Молодой гвардией, они считались самыми надежными частями, их бросали на самые трудные участки фронта.

– Ишь, маршируют, – покосился на корниловцев тот же самый вредный солдат, что не позволил Борису купить еды, – гвардия, так ее раззат... Коли ты гвардия, так ты на фронт иди, красных воюй, а то они тут, в покое, ошиваются.

– Ну ты, Митрич, уж на всех зол. Эти-то, видно, только для передышки сюда присланы, раны залечить, а после опять на фронт...

– На фронт, на фронт! Я тебе, Антонов, вот что скажу, мне верный человек сказывал, при кухне кашевар, а уж они-то все первые знают: сейчас приказ такой вышел от самых главных енералов – как красных в плен-то возьмут, им нарочно таку форму надевают, с мертвой-то головой. И погоны, и енблему-то эту мертвую так крепко пришивают, чтобы никак уж не отодрать было.

– А для чего ж такое, Митрич? – с уважительным интересом спросил Антонов.

– Дурья ты, Антонов, башка, как тебя от сохи-то взяли, так ты и не поумнел нисколько. Они же в этой форме к своим перебечь не могут, потому как красные таку Молодую гвардию в плен не берут, что корниловцев, что дроздовцев... Сразу расстреливают, к Духонину, говорят, в штаб. Вот пленным и приходится в той форме против своих воевать.

– Ой, Митрич, – недоверчиво пробасил Антонов, – может, я от сохи, да только ты-то тоже не больно учен. Ты погляди-то, как они идут, как выступают, – какие же это красные? Самые что ни на есть корниловцы. И в личность видать: не наш брат, лапотник, охвицерье...

– А все равно, ты умных людей слушай, – стоял на своем Митрич. – Эти, может, и настоящие корниловцы, а есть и липовые, из красных понаделанные.

Тяжелая дверь захлопнулась за Борисом, и он оказался в душном полумраке. Камера была небольшая, но полностью набита людьми. Пахло потом и рвотой. Борис сделал шаг вперед, наступил на чьи-то ноги, хриплый бас обложил его матом. Окошко было маленькое, к тому же закрыто ставнями, так что ни свет, ни воздух не проникали в тюрьму. Понемногу глаза привыкли к темноте, и призрачные фигуры обрели очертания. Борис прикоснулся к скользкой стене и пошел вдоль нее, ища свободное место. Каменный пол был такой грязный, что шаги звучали на нем глухо. Борис нашел наконец свободное место и осторожно опустился рядом со стариком, одетым в лохмотья. По другую сторону бритый татарин искал в рубашке вшей и почесывался. В дальнем углу кто-то надсадно стонал, видимо, в бреду.

«Гиблое дело, – думал Борис, посасывая ранку на месте выбитого зуба, – этот штабс-капитан, кокаинист ненормальный, теперь не отвяжется. С чего он взял, что я турецкий шпион? И всего-то в Феодосии я несколько дней, а уже в контрразведке сижу».

Он осторожно нащупал в кармане пакетик, что сунул ему Аркадий Петрович Горецкий. Ого, деньги – денкинские «колокола»³ – и еще записка. В полумраке было не прочитать мелкие буквы.

---

² Так называемый Ледяной поход, или первый Кубанский, – переход Добровольческой армией в феврале 1918 г. с Дона, захваченного Красной Армией, на Кубань.

³ «Колоколами», или «колокольчиками», назывались выпущенные денкинским правительством рубли из-за изображенного на них Царь-колокола.

Ладно, будем рассуждать логически. Горецкий не признался Борису, но, несомненно, его узнал. Не хотел, значит, при всех говорить, что они знакомы и что Борис никакой не турецкий шпион, а честный человек. Но денег дал, а в записке, наверное, адрес. Деньги нужно использовать для побега, потому что если чертов штабс-капитан, как его... Карнович... так если он к вечеру кокаина нанюхается, то при следующем допросе если не убьет, то изувечить может. Сюда, в тюрьму, из контрразведки его вели те же два солдата. От двоих не уйти, и денег двоим не предложишь – они перетрусят. Значит, ежели к вечеру придет за ним один солдат, следовательно, Горецкий поспособствовал, тогда можно попробовать.

Старик рядом зашевелился и шепотом забормотал молитву. Под его бормотание Борис забылся тяжелым сном.

Двумя неделями ранее около очень respectable, очень закрытого, очень труднодоступного клуба на Риджен-стрит в Лондоне остановился сверкающий лаком и хромом автомобиль. Шофер в кожаной фуражке и очках-консервах выскочил первым и открыл дверцу своему пассажиру – безукоризненно одетому джентльмену невысокого роста, склонному к полноте и излучающему энергию, как шаровая молния. Энергичный джентльмен проскользнул в двери клуба с характерными ужимками человека, скрывающегося от прессы.

В дверях клуба энергичного джентльмена остановил швейцар Дженкинс, столь же respectable, как сам клуб, и непоколебимый, как Гибралтарская скала.

– Сэр, вас ждут? – спросил он энергичного джентльмена корректно, но непреклонно.

– Да, меня ждет мистер Солсбери, – ответил энергичный джентльмен без тени обиды или неудовольствия.

В этот миг Дженкинс разглядел и узнал посетителя. Как и полагается настоящему английскому швейцару, Дженкинс отнюдь не показал этого на своем лице, но голос его стал несколько теплее, и можно было бы сказать, что в нем появились нотки подострастия – разумеется, если настоящий английский швейцар знает, что это такое.

– О, сэр, – сказал Дженкинс, – прошу вас, сэр. Мистер Солсбери давно уже здесь. Вероятно, он уже перешел к портвейну... сэр.

Энергичный джентльмен кивнул, бросил Дженкинсу свой котелок и проследовал в святая святых клуба. Мистера Солсбери он нашел в Георгианском зале, возле камина, в глубоком и массивном резном кресле мореного дуба. Мистер Солсбери действительно маленькими глотками пил портвейн, задумчиво глядя на огонь, и одновременно с этими двумя весьма достойными занятиями умудрялся обсуждать с мистером Лестером из министерства иностранных дел достоинства некоей Джеральдины, причем по их репликам невозможно было определить, является ли упомянутая Джеральдина театральной примадонной или скаковой лошадкой.

– У нее такой царственный изгиб шеи... О, сэр Уинстон, как вы поживаете? Еще один портвейн, Типсон!

Типсон, которого секунду назад не было в обозримых окрестностях, материализовался и принял заказ. Тактичный Лестер столь же молниеносно дематериализовался, предоставив мистеру Солсбери и вновь прибывшему энергичному джентльмену обсудить без помех свои дела – ведь всякому понятно, что только очень важные дела могут заставить настоящего джентльмена приехать в клуб не к обеду, а к портвейну.

– Не правда ли, сэр Уинстон, – прервал мистер Солсбери затянувшееся молчание, – не правда ли, здесь неплохой портвейн?

– Да, вы правы, – ответил энергичный джентльмен, со вздохом отставив бокал, – весьма, весьма недурен.

– Позвольте предложить вам сигару.

Мистер Солсбери открыл палисандровый ящичек, и запах прекрасных сигар смешался с запахом благородного портвейна и веселым запахом сосновых поленьев.

– М-да, это прекрасно, – проговорил энергичный джентльмен, пожевывая сигару, – но боюсь, что ближайшие месяцы вы будете лишены этих скромных радостей.

– Россия, сэр?

– Россия, мистер Солсбери. Точнее, юг России, территория, контролируемая генералом Деникиным.

– Что ж, я всегда любил эти места, у меня там надежная агентура, прекрасные контакты...

– Да, безусловно. Имейте в виду, однако, следующие соображения. Наш премьер-министр – либерал, и этим все сказано. Он – марионетка профсоюзных лидеров и под их давлением проводит политику уменьшения нашего присутствия в России и Закавказье. Он пошел даже на отдельные переговоры с большевиками.

– Миссия Буллита?⁴

– Да, миссия Буллита.

– Но ведь Буллит – американец!

– Совершенно верно. Но инициатором его поездки в Россию был Ллойд Джордж. Франция была категорически против любых переговоров с Советами, и эта позиция представляется мне единственно правильной. Если бы предложения Ллойд Джорджа и Вильсона были приняты, войска Антанты немедленно ушли бы из России и большевики получили возможность провести тотальную мобилизацию, собрать силы и последовательно подавить все очаги сопротивления на юге и востоке страны. Неудивительно, что Ленин и Троцкий охотно пошли на переговоры с Буллитом. Мартовские переговоры были весьма успешны, и реализация достигнутых договоренностей привела бы к полной утрате наших позиций в регионе... Я использовал все свое влияние, организовал давление со стороны французского руководства. Большую роль сыграло весеннее наступление Колчака, и миссия Буллита была дезавуирована. Вы помните, конечно, выступление премьера в парламенте 16 апреля...

– Да, сэр Дэвид отрекся от своего участия в организации переговоров с большевиками.

– Естественно.

Мистер Солсбери покачал головой и произнес:

– В такой критический момент истории во главе Британии должен стоять более твердый, более решительный политик. – И он выразительно посмотрел на своего собеседника.

– Вы подводите меня к основной теме нашего сегодняшнего разговора. Как вы справедливо заметили, в критические моменты истории во главе государств и политических движений должны стоять люди энергичные, решительные. По имеющейся у меня информации, генерал Деникин не таков. Он такой же либерал, как наш Ллойд Джордж, марионетка в руках своего окружения. Наиболее подходящей фигурой на пост главнокомандующего Вооруженными силами Юга России мне представляется генерал Лукомский, начальник военного управления Особого совещания⁵. Поэтому одной из основных задач вашей поездки будет встреча с представителем Лукомского. Сам генерал не пойдет на открытые контакты с представителями союзных государств через голову Деникина, поэтому вы встретитесь с его доверенным лицом в Крыму. Этот человек вам хорошо знаком, вы сталкивались с ним в шестнадцатом году в Петрограде...

– А, кажется, я догадываюсь, о ком вы говорите.

---

⁴ Миссия Буллита в феврале 1919 г. направлена в Советскую Россию после отказа правительств стран Антанты от идеи созыва конференции на Принцевых островах. Без ведома Франции, возражавшей против переговоров с Советским правительством, президент США Т.В. Вильсон и премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж послали в Советскую Россию дипломата У. Буллита с предложениями относительно условий прекращения военных действий в России.

⁵ Особое совещание – высший орган гражданского управления при верховном руководителе Добровольческой армии генерале Алексееве, затем трансформировалось в совещательный орган по законодательству и верховному управлению при главном ВСЮР генерале Деникине.

– Вот и прекрасно. Обратите внимание на то, что ваш знакомый избрал своей резиденцией Феодосию. Крым сейчас – наиболее важная стратегически точка юга России. Он дает возможность контроля морских путей, близок к Закавказью, оттуда рукой подать до Батума... Обратите внимание на состояние дел в нашей батумской резидентуре. Батум на какое-то время станет важнейшим узлом Закавказья – важный и удобный порт, выход к бакинской нефти... Там чрезвычайно сильна турецкая агентура – турки традиционно считают Батумскую область зоной своего влияния, воспринимают английское присутствие как временное. Учитывая, что в правительстве Ллойд Джорджа вынашивают планы вывода наших войск из Закавказья, важность Батумской области для нашей политики в регионе еще более возрастает. Следует поддерживать аджарских кадетов во главе с Масловым, которые проводят политику сближения с деникинским Особым совещанием. Однако следует учесть, что активные связи батумских кадетов с югом России могут привести к проникновению в Добрармию турецких агентов. Борьба с этой агентурой, ее выявление – это еще одна задача вашей миссии...

– Совершенно верно, сэр Уинстон, – прервал мистер Солсбери затянувшийся монолог своего энергичного собеседника. – Я получил зашифрованное сообщение о том, что наш резидент в Батуме раздобыл список засланных турками в Крым агентов. Этот список в ближайшие дни будет доставлен секретным связным в Крым, так что к моему приезду я смогу передать его человеку Лукомского. Это было бы крайне удачно с точки зрения придания генералу Лукомскому еще большего политического веса...

– Прекрасно. – Сэр Уинстон допил портвейн и откинулся на спинку кресла. – Кстати, если вы увидите командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, сообщите ему о том, что его величество намерен в ближайшее время пожаловать генералу титул лорда.

– О-о! – Мистер Солсбери удивленно поднял брови.

– Ничего удивительного. Май-Маевский – замечательный тактик. Он прекрасно использует возможности современного транспорта – перебрасывая относительно небольшие контингенты войск по железной дороге, он вводит их в бой зачастую в один и тот же день на разных участках фронта, тем самым успешно преодолевая сопротивление значительно превосходящих по численности сил противника. Не забывайте, что Добрармии приходится воевать и с красными, и с зелеными, и с Петлюрой...

Сэр Уинстон посмотрел на часы и встал.

– Должен откланяться. Меня ждут в адмиралтействе. Желаю вам успехов и надеюсь на прекрасные результаты вашей миссии.

Он коlobком выкатился из Георгианского зала и мгновенно на его месте возник мистер Лестер, тактично ожидавший завершения разговора в соседней комнате.

Опустившись в кресло, он с любопытством взглянул на мистера Солсбери.

– Не правда ли, – заговорил он, чувствуя, что молчание затягивается, – Первый лорд адмиралтейства – весьма перспективный политик? Если бы консерваторы пришли к власти, сэр Уинстон Черчилль⁶ мог бы стать премьером... Хотя англичане не любят аристократов в политике, а сэр Уинстон – виконт, в родстве с герцогами Мальборо... И вообще, такой твердый и энергичный человек нужен у власти только в критические моменты истории, в период войн и политических потрясений. В относительно благополучные времена такие люди могут быть опасны, так что сэр Уинстон может стать премьером только в случае новой войны, а этого, даст Бог, не случится...

– Не правда ли, – прервал приятеля мистер Солсбери, не склонный сегодня говорить о политике, – в походе Джеральдины есть та грациозная царственная легкость, которая говорит

---

⁶ Черчилль, Уинстон (1874—1965) – в 1919—1921 гг. военный министр и министр авиации в правительстве Д. Ллойд Джорджа, по английской терминологии – Первый лорд адмиралтейства. Активный сторонник интервенции стран Антанты в России, поддерживал белогвардейское движение. В 1940—1945 и 1951—1955 гг. – премьер-министр Великобритании.

нам о подлинном аристократизме, о многих поколениях родовитых предков... Я уверен, что на скачках в Аскоте она придет первой.

Глава вторая

Борису снилось, что он умирает от тифа. С тех пор как он с трудом выжил, ему часто снилась болезнь. Опять во сне он ехал в поезде, в набитом вагоне. В его распоряжении оказалась вся верхняя полка, потому что никто не хотел сидеть рядом – боялись заразиться. Задыхаясь от жара, Борис под унылый стук колес терял сознание, потом ненадолго приходил в себя, просил пить, никто не подходил к нему, тогда он опять начинал бредить. Смутно помнит Борис, как поезд остановился в чистом поле, слышались крики, выстрелы, ржание лошадей. Всплыло и загуляло по вагону страшное слово «махновцы». Сунулась наверх страшная рожа в мохнатой шапке с заплывшим глазом, грозила револьвером. Последнее, что помнит Борис, – это как его тащили за ноги по вагону и выбросили на подтаявшую мартовскую землю.

Через некоторое время от холода он пришел в себя. Махновцы к тому времени нагрузили подводы награбленным добром и ускакали. Поезд тоже потихоньку тронулся к ближайшей станции. У полотна валялось несколько трупов – мужчина в офицерской форме без сапог, старик, раздетый до белья, еще какие-то люди, одна женщина...

Борис встал на ноги и, шатаясь, побрел вдоль полотна вслед поезду. В будке путевого обходчика старуха напоила его чаем с малиной и разрешила отлежаться несколько дней. Тифа она не боялась. Борис сам удивлялся, как выжил, видно, не судьба была ему тогда умереть.

Разбудил его скрип открываемой двери. Надзиратель принес ведро воды с кружкой, привешенной на цепочке. Обитатели камеры, как муравьи, поползли на водопой. Борис выпил кружку теплой железистой воды и почувствовал себя лучше. Голова прошла, пока он спал. Дверь снова открылась, впустив немолодого приземистого солдата.

– А вот который Ордынцев! – весело крикнул он. – Выходи!

Борис поднялся и молча пошел к выходу. По камере пронесся тяжкий вздох.

На улице солнце клонилось к закату. Было жарко и пыльно, каменные дома выпускали накопленный за день зной.

– Куда, дядя, пойдём? – спросил Борис хмуро.

– Известно куда, – охотно отвечал солдат, – в контрразведку, вот куда.

– Тогда веди подальше, – вздохнул Борис, – мне спешить некуда.

Они пошли через пустеющий базар, где солдат разрешил Борису купить у припозднившейся торговки пирог с луком и яйцами, причем Борис, доставая деньги, встал так, чтобы солдат их видел.

– И-и, матушка, ты мне так не говори, что у меня пемадоры дороже! Это у тебя такое сомнение! – втолковывала толстая загорелая торговка унылой женщине в черном. – Ты-то, матушка, тут недолочко, а мы уж всякого повидавши. И при курултае⁷ ихнем, татарском, в Крыму жили, и при Сулькевиче, и при господине Крыме жили, и при красных, прости Господи, привелось... Вот уж когда, матушка, не то что дорого, а и вовсе нечего было на зуб положить! Куда что подевалось – ни тебе хлебца даже купить. А как энти-то, денкиницы, пришли, тут тебе сразу и булки белые появились. А ты говоришь – пемадоры тебе дорогие! Вон, господин повар английский, тот уж если берет, то не торгуется ни трошечки. Хороший такой господин, даром что по-нашему ни слова, а в провизии понимает... Может, кавунчика недорогого хочешь?

– На что мне твой кавунчик? – подала голос унылая вдовица. – Это коли бы я в удовольствие свое жила, взяла бы я у тебя кавунчика. Раньше, когда в Курске жили, мы с Авдеем Микитичем покупали кавунчика, уважал покойник. С чаем любил пить. Сядет, полсамовара

---

⁷ Курултай – крымско-татарский парламент, созданный в декабре 1917 г. мусульманским исполкомом как высший орган татарского самоуправления. На заседании курултая создано крымско-татарское национальное правительство. Вооруженные силы курултая разбиты в январе 1918 г. красногвардейскими частями.

усидит и цельный кавун... Была-то жизнь, да нисколько не осталось. А что сюда нас Деникин эвакуировал, то это только для того, чтобы нам здесь помирать... Что тут за места такие – одни татаре кругом да другие всякие разные... Земля, как доска, сухая, лесу не видать, зверя-птицы не слышать, коровок и тех редко когда увидишь... Одни тебе овцы да козы, прости Господи! Да и козы как-то не по-русски блеют, видно, татаре их по-своему научили... Ладно, матушка, давай свои пемадоры.

– А что, дядя, денег-то небось мало вашему брату солдату платят? – спросил Борис.

– И-и, барин, куда там много! – вздохнул солдат. – При царе-то платили семь рублей пятьдесят копеек в месяц, а нынче, если на «колокольчики» пересчитывать, то меньше выходит...

Борис жевал пирог, поглядывая по сторонам. Базар прошли, начались грязные узкие улочки, поднимающиеся постепенно вверх, к центру. Борис скосил глаза назад. Солдат закинул винтовку за плечо и вытирал разгоряченный лоб.

– Ты вот что, дядя, – повернулся Борис к конвойному, – ты отведи меня тут, в сторонку куда-нибудь. Приспичило мне, а на улице-то ведь не будешь...

– Знамо дело, – откликнулся солдат, – на улице несподручно...

Они зашли в небольшой тупичок, отгороженный с двух сторон высоким забором. Борис вынул деньги и протянул их солдату. Тот выпучил глаза и взял с сомнением, а Борис уже, не тратя времени даром, рванул с его плеча винтовку.

– Ты погоди, погоди, – забормотал солдат, – ты дай мне по носу. Слабый у меня нос, чуть что – сразу кровища хлещет...

Борис, не примериваясь, двинул солдата кулаком по носу. Кровь и верно хлынула сразу. Солдат упал на колени, выпустив винтовку. Борис перебросил винтовку через высокий забор и услышал, убегая, как она шлепнулась на каменные плиты двора.

Он выскочил из тупичка на узкую улочку, в конце ее показались два юнкера. Борис замедлил было шаг, но в это время солдат показался из тупичка, весь в крови, и, заметив юнкеров, заверещал тонко, по-бабьи:

– Уби-или! Держи вора!

– Стой! – закричал юнкер, и вслед Борису рассыпались револьверные выстрелы.

«Принесла же их нелегкая! – думал Борис на бегу. – Ох, возьмут меня мальчишки эти...»

– Заходи с той стороны! – донеслось сзади. – В обход его возьмем!

Борис свернул в первый попавшийся проход, пробежал, топая и поднимая пыль, затем нырнул в открытую калитку чьего-то двора, пролез с трудом под веревками, завешанными свежестыранными простынями, рубашками и исподним, с размаху заскочил на забор и спрыгнул вниз, на другую улицу, столкнувшись нос к носу с мальчишкой-юнкером. Тот с испугу выстрелил, и пуля обожгла Борису руку возле плеча. Борис взглянул в румяное, почти девичье, лицо, в глаза, наполненные ужасом и восторгом, и с размаху ударил крепким английским ботинком юнкера под дых. Тот икнул странно и осел в пыль.

– Будешь знать, паршивец, как в людей стрелять, – пробормотал Борис и побежал прочь не оглядываясь.

Он долго блуждал по лабиринтам переулков, никто его не преследовал. Борис старался забирать выше, к центру. Солнце садилось в море, дома отбрасывали длинные кривые тени, жар спадал понемногу. Руку возле плеча жгло, и Борис чувствовал, как под рукавом тужурки течет кровь и впитывается в рубашку.

«Чертов юнкеришка, мало ему досталось!» – злобно думал Борис.

Он достал из кармана записку Аркадия Петровича и остатки денег. В записке было несколько слов: «Карантинная слободка, пятый дом от солеварни, Марфа Ипатьевна». Под руку попала и та карточка, что подобрал Борис под кроватью в номере гостиницы. Теперь в

косых лучах солнца Борис прочел: «Батум. Мариинская улица. Кофейня Сандаракиса». И на обороте карандашом было нацарапано имя – «Исмаил-бей».

Борис засунул карточку подальше в карман, потому что сейчас некогда было о ней думать. Пройдя еще немного, он отважился спросить дорогу у торговки, которая сидела в своем доме и торговала прямо из окна всякой всячиной. Торговка предложила ему ведро помидоров, но Борис предпочел за ту же цену две самодельные папиросы.

– А ты иди по Итальянской, – зачастила баба, – все прямо и прямо, а потом вверх и влево забирай. Там увидишь на холме водокачку. Это и будет Карантинная слободка, мимо не пройдешь, не сомневайся!

– А где Итальянская-то? – не подумав, ляпнул было Борис, но встретил полный изумления взгляд торговки и прикусил язык.

Главная улица города, Итальянская, по мнению горожан, должна быть известна всем. И человек, задавший такой невежливый вопрос, выглядел подозрительно. Так что Борис, прихватив свои папиросы, скорее устремился прочь и, весьма удивленный, вышел-таки вскоре на Итальянскую и пошел мимо закрывающихся магазинов, мимо старой колоннады Гостиного двора, где раньше был огромный ковровый торг. Он очень неудачно выбрался на Итальянскую, теперь придется пройти ее всю, чтобы найти Карантинную слободку. Не дело это – тащиться открыто по главной улице города, когда его, наверное, уже ищут. Но поскольку магазины понемногу закрывались, то народу становилось все меньше, и Борис решил рискнуть. Рубашка заскорузла от крови и теперь больно царапала кожу. Руку по-прежнему жгло, и голова снова начала болеть. Он шел по Итальянской, держась ближе к домам, и читал вывески, чтобы иметь вид более беззаботный. «Кондитерский магазин „Бликнер и Робинзон“. Шоколад, печенье и конфеты». «Дамская парикмахерская ЖОЗЕФ», и внизу помельче и не таким красивым шрифтом: «Художественное исполнение дамских причесок, разного постиша и маникюр по последним парижским модам». У ювелирного магазина прямо под вывеской «Михаил Серафимчик. Продажа и покупка бриллиантов, золота, серебра и часов» сидел солдат с винтовкой и скучал. Заметив Бориса, он посмотрел на него лениво и отвернулся. Борис сжал зубы и собрал волю в кулак, чтобы не побежать опрометью от того места. Мимо проехал фаэтон, набитый офицерами и визжащими дамами. Борис миновал дамскую мастерскую «Изящные корсеты, удобные бандажи, модные подвязки и бюстодержатели по моделям Парижа, мастерская мадам Коко». У дверей стояла, надо полагать, сама мадам, необъятных размеров, и грубым голосом выговаривала за что-то сторожу. Сторож, пожилой татарин в войлочной шапке, кивал почтительно и кланялся, трясая жидкой бороденкой.

Время шло, темнело, магазины закрывались. Оживленная часть Итальянской закончилась. Народу совсем не стало. Пахнуло дешевой едой. Вот и трактир, из тех дешевых трактиров, где лестница облита сверху донизу не то водой, не то помоями. Буфетчик с курчавыми волосами, портреты, намалеванные смелой твердой русской рукой, которая не привыкла ни над чем задумываться, зеркала, украшенные паутиной, и сам паук, целеустремленно спускающийся на грязную салфетку. Половые и мальчики, диваны с протертой до дыр обивкой, а сверху над потолком успели уже намалевать портрет Деникина во весь рост с окладистой бородой.

У крыльца трактира стоял пьяный и некрасиво показывал всем, что водку он только что закусывал винегретом. Выскочил половой и замахнулся на пьяного щеткой.

От запаха ли обжорки, от раны ли, но Бориса замутило. Слабость накатывала волнами, очевидно, он потерял все же достаточно крови. Улица наконец пошла вверх, да так круто, что он с трудом передвигал ноги. Последний освещенный домик оказался аптекой, и Борис, плохо уже соображая от слабости, решил зайти туда. «Аптека Гринбаума», – прочел он машинально на двери, и дребезжащий колокольчик пригласил его войти.

На звук вышел из внутреннего помещения старый еврей с грустными глазами больной собаки и вопросительно уставился на Бориса.

– Укрепляющего какого-нибудь и рану перевязать. – Борису показалось, что он произнес эти слова громко, но на самом деле он едва прошептал.

– В вашем возрасте, милостивый государь, нужно – таки заботиться о своем здоровье, – скрипучим голосом начал хозяин аптеки. – Потому что в моем возрасте о нем заботиться уже поздно. У вас отечность под глазами и желтый цвет лица, это говорит о плохой работе почек.

«Еще бы, когда так по почкам бить!» – подумал Борис.

– Правда, учитывая все эти неприятности, – старый еврей красноречиво повел рукой вокруг себя, – вы вряд ли доживете до моих лет.

Аптекарь подвигал бровями, побренчал склянками и налил Борису в рюмочку чего-то противно пахнущего. Борис выпил залпом. В глазах потемнело, он пошатнулся и сел на лавку. Аптекарь достал из шкафчика бинт, вату и удалился внутрь. Борис вытер выступившую на лбу испарину и расположился поудобнее. Тошнота прошла, в глазах больше не плясали злые мухи. Даже рану жгло не так сильно. Он поймал себя на том, что задремывает и стал читать плакатики, развешанные по стенам. Плакатики были старые, выцветшие, из прежней довоенной жизни. На одном предлагали от запоров, катара, геморроя, вялости кишок чудодейственное средство КООРИН, утверждали, что он абсолютно безвреден и поможет оздоровиться. На другой картинке была нарисована дама в паричке и предлагали требовать всюду духи, цветочный одеколон и мыло «БУКЕТ МАРКИЗЫ» (чудный, тонкий аромат цветов, парфюмерной фабрики товарищества С.И. Чепелевецкой с сыновьями). Дама была бы хороша, если бы какой-то шутник не пририсовал ей кавалергардские усы. Третий плакат рекламировал АРМАТИН – радикальное средство против гонореи, излечивающее окончательно и в короткий срок.

Борис с интересом исследовал плакаты. Слабость прошла, и он сообразил, какую сделал глупость, что зашел в аптеку. Вдруг он спохватился, что прошло уже много времени, а аптекарь все не выходит. И что он там делает? И не послал ли он кого-то предупредить полицию, и теперь, пока Борис тут благодушествует, в аптеку нагрянет контрразведка и возьмут его здесь как миленького...

Борис вскочил на ноги и прислушался. Из внутреннего помещения доносилось звяканье инструментов и звон стекла.

«Непременно он, подлец, нарочно время тянет», – подумал Борис, перегнулся через прилавок, схватил пук ваты побольше и вышел, придерживая колокольчик, чтобы не звякнул. На улице, расстегнув тужурку и рубашку, он приложил вату к ране. Идти стало легче – мягкая вата не царапала рану. Кроме того, ему помогло средство, что дал аптекарь, – прибавилось сил, голова не болела и не кружилась.

Солнце село, и в городе быстро становилось темно. Освещенная часть Итальянской осталась позади, домики стали ниже и стояли реже. Окна прикрывали ставни, так что Борис едва видел перед собой дорогу.

«Черта ли найдешь в такой темноте, а не водокачку!» – сердито подумал он и зашагал быстрее.

Дорога забирала влево и в гору, и наконец он увидел на холме силуэт водокачки. Внизу у холма белели мазанки, каждая окружена была забором в человеческий рост. Борис запутался, с какого края от солеварни отсчитывать пятый дом, сунулся наугад, наткнулся на колючий куст и был облян собакой. Слыша в собачьем лае угрозу, залились все собаки Карантинной слободки. Заборы были высоки, калитки все заперты – в слободке не любили случайных гостей.

Обычно в слободках живут старухи, которые гадают на картах и кофе, старухи, которые пьянствуют, и старухи, которые берутся вылечивать всевозможные болезни. В этой же Карантинной слободке жили железнодорожники, которых денкинское командование сняло с насыженных мест под Курском, их посадили семьями в теплушки и прикатали к Черному морю. Теперь эти железнодорожные куряне обжились в Феодосии на карантине, стали там совсем своими и обратно ехать не собирались. Теперь они занимались или продажей овощей, ягод,

молока, или перетаскиванием тряпок из слободки на толкучий, где за гривенник сбрасывается весь этот хлам и покупаются продукты, необходимые для поддержания своей жизни.

Чувствуя, что опять теряет силы, Борис отсчитал от того места, где стоял, пятый дом и стукнул в калитку.

– Чего надо? – прорвался сквозь лай мужской голос.

– К Марфе Ипатьевне, – безнадежно ответил Борис и не успел удивиться, когда калитка отворилась и тот же невидимый голос пригласил:

– Заходи уж!

Опомнился он уже сидя в крошечной прохладной кухоньке на стуле. Ласковые женские руки разрезали на нем рукава тужурки и рубашки.

– Водички бы, тетенька, – простонал Борис.

Хозяйка подала ему ковш воды и наклонилась низко. Борис со стыдом увидел, что она еще женщина не старая, несмотря на по самые брови повязанный платок и две скорбные складки у рта.

– Тоже еще нашел тетеньку, – сердито гудел мужской голос.

– Да не бубни ты, Саенко, а посвети лучше, – рассердилась хозяйка.

Она обмыла рану, наложила какой-то мази и туго завязала чистой холстиной.

– Что там?

– Да ничего, царапина сильная, до свадьбы заживет. Ахметка, на-ка, во двор отнеси, завтра сжечь надо. – Она протянула в угол остатки Борисовой одежды.

В углу кухни шевельнулось что-то – собака или еще какой зверь, но оказалось это мальчишкой лет десяти. Мальчишка посматривал хитрыми раскосыми глазенками и улыбался.

– Иди, иди, басурман. – Саенко нагнулся, чтобы легонько шлепнуть мальчишку, от резкого движения керосиновая лампа в его руке зачадилась и чуть не погасла.

– Тише ты, черт косилапый! – вскрикнула хозяйка.

Марфа Ипатьевна усадила Бориса на лавке, сама вышла куда-то и вернулась с чистой рубашкой и форменным кителем железнодорожника.

– Надень-ка, милый, – обратилась она к Борису, – в самую пору тебе будет. Это мужа моего покойного вещи, не для кого беречь-то теперь...

Борис перехватил ревнивый взгляд Саенко, тот засопел сердито и уселся в углу чистить картошку. Хозяйка помогла Борису надеть рубашку, он благодарно погладил ее руку. Женщина улыбнулась ему белозубо и сразу помолодела лет на десять, потом подошла к столу и прикрутила чадающую лампу.

– Ох, и подлый народ эти караимы, – гудел в углу Саенко, по-старушечьи тонко срезая кожуру с крупной картофелины, – ведь клялся, что керосин хороший. Я ему говорю: если опять плохого керосина продашь, сволоку тебя в контрразведку. Клянется, бородой своей трясет... Но я так думаю, что все равно разбавляет. Ох, и подлая же нация...

Вернулся со двора Ахметка, сощурил глаза на свет лампы и замычал что-то быстро, размахивая руками.

– Немой он, – пояснила хозяйка в ответ на вопросительный взгляд Бориса, – но слышит и все понимает. Подобрал его Саенко в порту, сирота он. Аркадий Петрович с ним занимается иногда, говорит, что вылечить можно. Что, Ахметушка, идет он?

В ответ раздался скрип калитки. Собака на Горецкого не залаяла, видно, знала, что свои.

Борис поднял тяжелую голову и увидел в дверях Аркадия Петровича.

– Сидите, сидите, Борис Андреевич. – Горецкий понял его движение как попытку встать при появлении старшего. – Сидите, вы устали и, как я вижу, ранены. Саенко, ужин готов?

– Так точно, ваше высокоблагородие! – гаркнул Саенко.

«Высокоблагородие» он выговаривал скороговоркой, и получалось у него «сковородие». Горецкий кивком пригласил Бориса пройти в комнату. Комнатка тоже была маленькая, но очень чистая, и пахло в ней свежестью и душистыми травами.

– Однако, Аркадий Петрович, неужели вы помните мое имя? Как, кстати, прикажете вас называть – по прежнему званию вас следовало титуловать «ваше высочородие», как статского советника, теперь вы стали ниже чином, когда в военную службу перешли, – «высокоблагородием» величать?

– Ах, голубчик, оставьте, я и раньше-то этих величаний не любил. Что чин теперь ниже, так ничего удивительного – в Добровольческой армии полковники рядовыми служат. А зовите меня Аркадием Петровичем – проще и не подлежит уценке. Вот Саенко – человек традиций, зовет меня «сковородием» и ни на какие новации не поддается. Правда, Саенко?

Саенко вошел следом за хозяйкой, неся в руках миску с дымящейся картошкой. Марфа Ипатьевна собрала на стол, ступая неслышно, но уверенно. Чувствовалось, что, не будь здесь Бориса, она села бы за стол на свое хозяйское место, как случалось не раз. Но сегодня она только внимательно окинула глазами стол, проверяя, не забыла ли чего, и вышла, повинувшись невысказанному желанию подполковника.

– А насчет того, что имя ваше помню, – продолжал Горецкий, – так это у меня профессиональное. Хороший преподаватель каждого своего ученика должен помнить, иначе грош ему цена. Если в ученике личность видишь – как же можно его забыть? Вы ешьте, ешьте, в тюрьме нашей гостеприимство известно.

Борис вспомнил, что голоден, и набросился на еду. Однако, немного утолив голод, он не удержался от вопроса:

– Отчего... отчего вы помогли мне, Аркадий Петрович?

Горецкий вздел на нос пенсне, сразу став как будто домашнее и знакомое, и проговорил с некоторой долей смущения:

– Как же мне не помочь одному из прежних своих учеников? – Затем, снова сбросив пенсне и став из профессора подполковником, продолжил: – Ситуация у нас непростая. Мы в Крыму только второй месяц, здесь действует множество подпольных групп и организаций самого разного толка – кто-то не вполне враждебен Добровольческому движению, но есть и крайне опасные. Здесь же, в Крыму, действует агентура многих иностранных держав. Антон Иванович – я имею в виду Деникина – наиболее близок с англичанами, они весьма помогают нам деньгами и оружием. Турецко-германские агенты, напротив, ведут здесь опасную и враждебную нам игру. От нас рукой подать до Батума, и хоть оттуда турки ушли в январе, там, разумеется, их агентура чувствует себя как дома. Генерал Кук-Коллис, английский генерал-губернатор Батума и прилегающих к нему областей, давно пытается покончить с турецким влиянием в Аджарии, и мы всемерно стараемся ему помочь. Но турки не теряют надежду опять занять Батумскую область, ведь ровно год назад, в августе восемнадцатого, она была отдана Турции приказом султана «на вечные времена». И вот из Батума прибыл связной английской секретной службы со списком турецких агентов в Крыму, и по иронии судьбы его-то как раз и находят убитым в вашем номере... Понятно, что контрразведка не может остаться в стороне. Произведенный на месте убийства обыск не дал результатов: список агентуры пропал.

Борис порывисто поднялся. Кровь прилила к его лицу.

– Аркадий Петрович, Богом клянусь, не убивал я этого человека и про список ничего не знаю!

– Не волнуйтесь, голубчик! – Горецкий успокоительно похлопал Бориса по руке. Он снова стал профессором, пенсне посверкивало у него на носу. – Я вам верю. Я научился в людях разбираться, поэтому и попал на теперешнюю свою службу. Но внешние обстоятельства дела говорят, к сожалению, не в вашу пользу. Как случилось, что убитый господин оказался в одной с вами комнате?

Борис смущенно развел руками и ответил:

– Я и сам порядком удивлен... Несколько дней назад только прибыл в Феодосию из Ялты, никого здесь не знаю...

– А позвольте спросить, с какой целью путешествуете? – Горецкий задал этот вопрос тоном скучающего попутчика, но Борис видел, с каким интересом смотрели его глаза сквозь пенсне.

«Не верит, – пронеслось у него в голове, – считает подозрительным».

– Я не путешествую, я сестру ищу, – сухо ответил Борис. – Видите ли, так получилось, что летом семнадцатого Варя, сестра моя младшая, гостила у тетки в имении Горенки Орловской губернии. Она болела зимой сильно, вот тетка и увезла ее на лето на воздухе пожить. А осенью сами знаете, что случилось, от них никаких вестей, я сам застрял в Петрограде – мать слегла, никак ее не мог оставить. Прошлым летом мать похоронил и решил сестру искать, у нас с ней больше никого нет. Как добирался – страшно вспомнить. По дороге тифом болел, еле выжил. Под Орлом чуть красные не мобилизовали. Приезжаю в Горенки – а там ни Вари, ни тетки Аглаи, ни самого дома уж нет. Егерь знакомый рассказал, что усадьбу летом восемнадцатого сожгли, но тетка с Варей еще раньше на юг решили подаваться. Решил и я – на юг. По дороге махновцы три раза поезд грабили, в степи спасался. Так ползком и фронт перешел. В Николаеве встретил жучка одного – клянется, что видел Варвару. Якобы тетка Аглая Тихоновна от сыпняка померла, а Варю взяло к себе семейство одно, Романовские... Вроде бы они в Ялту собирались. Обыскал я все гостиницы в Ялте – безрезультатно... Теперь вот сюда приехал... Ох, простите, отвлекся я. Так вот, остановился я третьего дня в этой, с позволения сказать, гостинице, а вчера привязался ко мне этот господин. Представился Георгием Махарадзе, но по его речи я сомневаюсь, что он грузин. И стал он меня всячески уговаривать сесть с ним в карты... Я вообще не играю, а в нынешнее время совершенно уже не до карт, но отвязаться от него не было никакой возможности. Пришлось играть... После лакей гостиничный – тот самый Просвирина, что позже привел штабс-капитана с его разбойниками, – принес нам вина. Махарадзе заказал. И выпили-то совсем немного, а только я больше ровным счетом ничего не помню...

– Так-так, – Аркадий Петрович сочувственно покачал головой, – трудненько вам будет убедить непредвзятых людей в истинности такой истории... Единственно, что могло бы спасти вас и оправдать в глазах властей, – это поимка настоящего убийцы. Однако боюсь, что не так это будет просто. Честно скажу, что нет у нас в этом деле никакой зацепки.

Саенко постучал деликатно и внес большой кипящий самовар. Аркадий Петрович налил себе и Борису крепкого чаю.

– Чрезвычайно удачно было бы, – продолжал он, накальвая сахар маленькими кусочками, – если бы самому вам удалось содействовать в поимке виновника, но для этого вы должны быть на свободе, с развязанными руками. Как этого добиться – ума не приложу. Хотя у меня и есть некоторое влияние в контрразведке, однако же не так оно велико, чтобы под одно мое слово отпустили человека, против которого свидетельствуют такие весомые улики.

Борис открыл было рот, чтобы спросить, какой же все-таки пост занимает подполковник Горецкий в контрразведке, но передумал. Он чувствовал в словах Горецкого какую-то подоплеку и двойственность. Несомненно же, что еще там, в контрразведке, подполковник Горецкий, увидев Бориса, уже принял решение ему помочь таким нетрадиционным способом, то есть он дал ему незаметно денег для побега. Для чего же теперь он затеял весь разговор? К чему он, собственно, клонит?

Аркадий Петрович задумался на некоторое время. Опять Борис поразился перемене, происшедшей с его лицом: черты потеряли мягкость и приобрели чеканность профилей на старых римских монетах.

– Позвольте полюбопытствовать, – неожиданно спросил Борис, – а почему вы в такой, простите, дыре живете? Ведь вам, Аркадий Петрович, по должности-то вполне приличная квартира полагается, в центре города.

– А мне, голубчик Борис Андреевич, здесь удобнее, чтобы не на виду. Мало ли какой гость зайдет...

Голос был профессорский, а вид – совсем другой, и от этого обычные слова приобретали иной смысл.

– Итак, слушайте и не перебивайте. Здесь, в Феодосии, несчетное число контрабандистов, которые за плату отвезут человека хоть к черту в пекло, а уж в Батум – и говорить нечего: там сейчас для них просто рай. Я дам вам еще денег, только теперь уже не «колоколов», контрабандисты их не возьмут, им теперь турецкие лиры подавай. И с документами что-нибудь придумаем.

Аркадий Петрович вытащил из портмоне несколько хрустящих купюр и протянул их Борису. От такого оборота дела Борис несколько растерялся и спросил:

– Но почему в Батум? Что мне там делать?

– Первое дело, дорогой мой, – там вы будете свободны.

– Но зачем мне свобода в Батуме? Мне нужна свобода передвижения здесь, в Крыму, мне нужно найти хоть какой-то след Вари... или получить твердую уверенность, что искать более незачем, – закончил Борис дрогнувшим голосом.

– От вас зависит, – прервал его Горецкий, – как вы воспользуетесь своей свободой. Судя по тому, что вы мне рассказали, человек вы неглупый, решительный, а главное – везучий. В скольких переделках бывали, а сумели вырваться и от красных, и от бандитов... Зачем в Батум, говорите? Да ведь агент-то из Батума прибыл. В Батуме и кроются корни сегодняшнего преступления. Но об этом, дорогой мой, мы еще потолкуем. Есть у меня кое-какие предположения, после я их вам изложу, когда вы выспитесь и отдохнете. А пока вы в Батуме будете, я уж тут постараюсь справки навести про сестрицу вашу, Варвару Андреевну...

Борис взглянул на Горецкого с благодарностью и уже открыл было рот, чтобы рассказать о карточке, что нашел под кроватью в номере гостиницы «Париж», но усталость брала свое, с трудом уже удерживал он глаза свои открытыми, неудержимо клонило его в сон. Он хотел извиниться перед Горецким и устроиться где-нибудь на сеновале или хоть на кухонной лавке, как вдруг злобно залился кобель во дворе, стукнула калитка, раздался топот нескольких человек по двору и бряцанье винтовок. Борис успел только мигнуть, окончательно просыпаясь, а Горецкий уже вскочил, прикрутив лампу на столе, и в руке его сам собой оказался «наган». В дверь забарабанили прикладами:

– Открывай!

– Кто такие? Это подполковника Горецкого квартира! – отлаивался в сенях Саенко.

– Открывай немедленно! – раздался знакомый голос штабс-капитана Карновича. – Беглого ищем, из контрразведки!

– Черт знает что! – воскликнул Горецкий. – Карнович, вы что, с ума сошли? Не волнуйтесь, я все улажу, – шепотом обратился он к Борису.

– Ну уж нет! – мгновенно озверел тот. – Хватит уже, посидел у вас в контрразведке. Не знаю, что вы за игру ведете, но я сам во всем разберусь.

Дверь между тем трещала под ударами прикладов, Горецкий сделал шаг в сени, Борис же в это время ловко проскочил у него под рукой, выхватив «наган», на который Горецкий уже не обращал внимания, услышав голос Карновича. В сенях Борис заметался, заскочил в другую комнату, где простоволосая хозяйка в одной рубашке схватила его за руку и подвела к окошку, что выходило в огород. Бесшумно растворив окно, она перекрестила Бориса и отошла. Борис спрыгнул в цветы, пробежался по грядкам с помидорами и затаился. Входную дверь отворили, на пороге возник сам Горецкий с фонарем.

Освещенная фигура его выглядела грозно.

– Как сметь... ко мне? – спрашивал он сдавленным от сдерживаемой ярости голосом.

– Ваше высокоблагородие, поступило донесение... видели его в этих краях... прикажите обыскать слободку... – бормотал Карнович.

– Да вы что себе позволяете? Завтра же на фронт! – Голос Горецкого набирал силу.

Борис почувствовал, как кто-то дернул его за штанину. Ахметка поблескивал в темноте узкими глазенками и манил за собой. Они проползли в самый темный угол двора, там у забора были сложены какие-то кули, прикрытые рогожей. Ахметка вскарабкался на кули, а Борис легко подтянулся и перемахнул через забор. Мальчишка приземлился рядом бесшумно. Они осторожно выглянули из-за угла. У калитки стоял солдат, остальные находились внутри дома и на дворе. Борис вытащил «наган», но Ахметка потянул его за рукав в сторону.

«Вот так-то, господин Карнович, – думал Борис, прибавляя шагу, – больше мы с вами не встретимся, а если встретимся, то один из нас этот свет вскоре покинет. Очень я не люблю, когда по почкам бьют».

Он сам удивился своим мыслям. Никогда раньше не был он агрессивным. Просто надоело ему бегать как заяц по всей России и прятаться от всех. Но сейчас-то он тоже бежит, возразил сам себе Борис. Но это в последний раз. Черт его знает, Горецкого этого, что он за игру затеял. И хоть помнил его Борис по довоенной жизни в Петербурге как человека несомненно порядочного, но столько всего случилось за эти годы, люди меняются и от меньшего. Устроил Борису побег, привел к себе, чтобы вызвать доверие... Борис сдуру наболтал ему про сестру... А если Горецкий не поверил ему и считает, что он причастен к преступлению? Упорно посылал в Батум... Что ж, в Батум так в Батум, там на месте определимся. А здесь все равно нельзя оставаться, земля под ногами горит.

Ахметка забирал вправо, стремясь дойти до моря, миновав город. Дорога шла вниз. Последние домики слободки остались позади. В глухой предрассветной темноте не было видно ни зги, и, если бы не Ахметка, чудом находивший дорогу, Борис давно бы сломал себе шею на крутой козьей тропе. Все ближе и ближе раздавалось сонное дыхание моря, наплывал теплый йодистый запах, запах свободы, запах дальних странствий. Еще несколько минут головокружительного спуска, и перед Борисом открылась маленькая бухта. От близости моря стало светлее. Прибой ровно и мощно бился о камни. Прячась в тени скалы, раскачивалась на волнах турецкая фелюга. На борту раздавались приглушенные голоса, мерцали тусклые огоньки тлеющих трубок.

Борис споткнулся на склоне, камень покатился из-под его ноги и с плеском упал в воду. С фелюги послышался тревожный окрик на незнакомом Борису языке. Татарчонок в ответ громко замычал.

– Ахметка, ты, что ли? – крикнули из темноты по-русски.

По шатким сходням легкой танцующей походкой сбежал рослый плечистый мужчина и подошел к пришельцам. Лицо его до самых глаз было закутано концами башлыка, в руке темнел «маузер». Мальчик замычал что-то свое, и удивительно, но мужчина в башлыке его понял. Он внимательно, насколько позволял скудный свет крупных августовских звезд, всмотрелся в лицо Бориса и произнес с сильным певучим акцентом:

– Деньги давай. Не «колокола» – лиры. Батум плывем. Сейчас плывем. Пока темно.

Борис вытащил из кармана тужурки несколько хрустящих бумажек, контрабандист взглянул, не взял и отрицательно покачал головой. Борис прибавил еще несколько, тогда грек кивнул и побежал обратно на фелюгу, махнув Борису рукой – мол, давай за мной!

Борис погладил подвернувшуюся под руку стриженую голову татарчонка, пробормотал:

– Ну, прощай, Ахметка, спасибо тебе! – и пошел обратно к сходням.

Узкая качающаяся доска привела его в сомнение. Глядя, как ловко пробежал по доске контрабандист, он усомнился в его человеческой природе, но делать было нечего, достоинство уронить никак нельзя, и Борис скрепя сердце шагнул на шаткую доску.

Чудом он перебрался на фелюгу. Угловое суденышко, лишенное палубы, было завалено тюками и ящиками, на корме имелась крошечная дощатая каютка, более напоминающая собачью конуру. Возле мачты стоял знакомый контрабандист и еще двое: один – совершенно разбойничьего вида субъект, а другой – юноша, почти мальчик, глядя на которого Борис вспомнил эрмитажную мраморную статую греческого бога Пана. Первый – главный на корабле – командовал по-своему, парень втащил на фелюгу сходни, Ахметка отвязал от сваи у берега швартовочный конец. Затем двое моряков развернули косою парус, подвешенный к рейку. Капитан встал у рулевого весла, и фелюга, неровно подпрыгивая на волнах, отошла от берега.

Позади темными громадинами виднелись холмистые уступы, позади остались Феодосия, Крым, контрразведка Деникина. На море опускался туман, которого и дожидались контрабандисты, чтобы незамеченными уйти в открытое море. Главный разбойник подошел к Борису и, нещадно коверкая русские слова, сказал:

– Га-аспадин хороший, ты в каюта ступай. Григорий Степаныч придет, смотреть будет. Григорий Степаныч – хороший человек, свой человек, только не надо ему тебя видеть.

– Кто такой Григорий Степаныч? – удивленно спросил Борис, не понимая, как кто-то может прийти к ним посреди моря.

– Таможня, – коротко ответил контрабандист, потом добавил: – Красные были – Григорий Степаныч плавал, белые были – Григорий Степаныч плавал... Деньги брал, но жить давал. Хороший человек.

– А как же он нас увидит, когда туман? – поинтересовался Борис.

– Он и в тумане увидит, и ночью увидит... Такой он, Григорий Степаныч! Хороший человек! А ты в каюта ступай, Григорий Степаныч уже идет.

Борис не видел и не слышал никаких признаков – только плеск волн и скрип мачты, но послушно ушел в каюту. Согнувшись в три погибели, он пробрался в тесную конуру. Контрабандист пролез следом и указал ему лечь в угол на маленький сундучок, прикрытый полуистлевшей овчиной. Когда Борис устроился с трудом, капитан закрыл его дощатой перегородкой и повесил сверху плетеную циновку, так что со стороны казалось, что каюта пуста. Борис затих, прислушиваясь. Некоторое время спустя сквозь шум моря послышалось мерное тарахтение мотора.

Освоившись в своей камере, Борис нашел щелку, через которую мог видеть хотя бы отчасти то, что происходит на фелюге. Он слышал, как с ровным тарахтением к паруснику подошел моторный катер. Мотор приглушили, фелюга дрогнула от толчка.

– Здоров, Спиридон! – раздался басовитый окрик.

– Бог в помощь, Григорий Степаныч! – ответил контрабандист. – Сами-то здоровы ли?

Голос капитана фелюги звучал теперь не так грубо, как раньше, и даже акцент стал меньше. Фелюга ощутимо качнулась – пресловутый Григорий Степаныч перебрался на борт. Не разглядеть его было нельзя – уж очень много его было. Григорий Степаныч был дородный пузатый мужчина за пятьдесят, с загорелым, обветренным лицом и длинными висячими усами, похожий на одного из запорожцев с известной картины Репина.

– Ну что, Спиридон? Что сейчас везешь?

– Гостинец тебе везу, Григорий Степаныч! – Спиридон протянул таможеннику увесистый узелок.

Узел тут же исчез в одном из бездонных карманов засаленных шаровар.

– Люблю греков! – довольно пробасил Григорий Степаныч. – Понимающие вы люди! Знаете, чем старику угодить! Людишек-то не везешь?

– Как можно, Григорий Степаныч! – Спиридон ударил себя кулаком правой руки в грудь, в то же время засовывая левой рукой в карман запорожцу одну из хрустящих бумажек Бориса. – Как можно? Что ж я, не понимаю...

– Понимаешь, Спиридон, понимаешь, – Григорий Степаныч ласково похлопал контрабандиста по плечу, – иначе большие неприятности от контрразведки можешь поиметь...

В это самое время возле них появился напарник Спиридона с двумя стаканчиками в руках. Григорий Степаныч ловко прихватил стаканчик двумя пальцами огромной волосатой руки, Спиридон принял второй, они чокнулись и выпили, не расплескав ни капли, несмотря на то что фелюга ощутимо раскачивалась на волнах.

– Будь здоров, Спиридон! – рявкнул старый запорожец. – Ну, пошел я. Обрато из Батума пойдешь – увидимся! Белые тут, красные или зеленые – хоть полосатые, а мы с тобой, Спиридон, всегда тут, в море! – С такими словами он перебрался в свой катер.

Фелюга снова качнулась, будто с нее скинули половину груза. Греки снова распустили подтянутый к рейку парус, и фелюга рванулась вперед, как почувствовавший шпоры конь.

Весь день Борис промаялся в душной тесной каюте и только вечером, когда стемнело, капитан разрешил ему выйти на волю. А днем Борис лежал, раздевшись, истекая потом, и проклинал все на свете. Рана под повязкой не болела, и Борис помянул добрым словом Марфу Ипатьевну и ее целебную мазь. Но совершенно неожиданно воспалился зуб, то есть ранка, что осталась на месте выбитого Карновичем зуба. Щеку дергало и даже, насколько мог определить Борис на ощупь, разнесло. Голова горела, и непонятно было, от внутреннего или от внешнего жара. Сквозь щели в досках Борис мог видеть, что творится на фелюге. Спиридон и его подручный по очереди сменялись у руля. Мальчишка по случаю жары разделся догола, повязал чресла какой-то тряпкой, сверкал на солнце безупречного сложения бронзовым телом и от этого еще больше походил на греческого бога.

Вечером Спиридон открыл тайник и выпустил своего пассажира. Глядя на измученного Бориса с раздутой щекой, капитан поцокал языком, отвязал от пояса фляжку и налил ему такой же стаканчик, как те, что пили они с Григорием Степанычем.

– Ну, господин хороший, ты теперь тоже моряк. Пей, это наша водка, греческая. Да сразу не глотай, во рту подержать надо.

Борис с сомнением взял в рот коричневую жидкость, рану обожгло огнем, а когда он от неожиданности проглотил, глаза вылезли на лоб: показалось, что он выпил стакан расплавленного свинца да еще к тому же в желудке разорвалась граната-лимонка. Спиридон смотрел на него, усмехаясь:

– Что, крепка водка? Какова наша жизнь, такова и водка. Привыкай: жизнь сейчас у всех крепко настояна.

Грек развеселился и протянул ему полкалача, несколько помидоров и сосуд с вином. После еды Борису стало лучше, безумно хотелось только курить. Спиридон отсыпал ему табаку и дал кусок газеты «Крымский курьер», выходившей в Симферополе. В газете было напечатано стихотворение местного рифмоплета, воспевающее Деникина. Борису достались такие строчки:

Деникин пришел, как мессия,
Над миром парит, как орел.
Его дожидалась Россия,
И вот наконец он обрел...

Что обрел Деникин, осталось неизвестным. Борис пожал плечами и свернул папироску. Лежа на тюках под небом, усыпанным крупными яркими звездами, Борис предался невеселым

размышлениям. Его настораживало то, что слишком легко удался побег. Ведь Горецкий говорил, что они еще обсудят многие вещи, что Борис должен отдохнуть, выспаться. И тут очень кстати приходит Карнович, Борису помогают бежать. Фелюга стоит наготове. Да, но контрабандисты-то настоящие... Ну так и что же, они небось давно у Горецкого прикармлиены, не зря Ахметку знают. А может быть, это ловкий ход? Выпустить его в Батум без документов и считать что без денег – почти все он отдал грекам, – а потом наблюдать за ним и смотреть, куда побежит? К англичанам ли, к туркам, либо вообще в советскую миссию? Только за каким чертом Борису делать у них у всех, ему в Крым надо...

В одном Горецкий прав: корни вчерашнего преступления, несомненно, в Батуме. Об этом говорит карточка, что Борис нашел в номере. Абсолютно точно, что потерял ее убитый, этот Георгий Махарадзе... Потому что под кроватью лежал слой пыли толщиной в палец, а карточка была абсолютно чистой, то есть попала туда недавно. Ладно, будем искать кофейню Сандаракиса, а там спрашивать Исмаил-бея, это единственная зацепка.

Звезды опускались все ниже и ниже, было такое чувство, что скоро небо сольется с морем и Борис поплывет в этой субстанции, разгоняя руками звезды, как светящиеся медузы...

Глава третья

Опять во сне встали перед ним дни его скитаний по охваченной пламенем Гражданской войны России.

Товарным поездом добрался Борис до станции Зерново. Дальше – Украина, дальше – Петлюра, а тут – красные, голод, а главное – там Варя. Он уверил себя, что она там, на юге...

Борис побродил вдоль путей, наткнулся на подозрительного красноармейца и от греха пошел на рынок. Там он потолкался среди продающих и покупающих, послушал разговоры... Около него остановился кривоносый бородатый мужик.

– Не надобно ли чего панычу? – спросил мужик вполголоса.

– Нет... – Борис нерешительно огляделся. – Мне ничего не надо покупать... а мне бы...

– Панычу треба до Украйны? – Мужик перешел совсем на шепот. – Мы это можем... Мы сами с Украйны будем...

Борис подошел к мужику вплотную и прошептал:

– Добрый человек, проведешь на Украйну? Знаешь, как посты обойти?

– Знамо дело, – мужик радостно осклабился, – каждую ночь, почитай, ходим. Сто рубликов извольте, паныч, – и все будет в лучшем виде.

– Как же – я тебе деньги дам, а ты и сбежишь?

– Не извольте сомневаться, паныч, вечером с местечка в хлеба тикайте, подле дороги ждите, как меня завидите – выходьте. Туточки дадите мне пятьдесят рубликов, а как до места вас доведу – еще пятьдесят пожалуйте.

Борис прошатался по местечку до сумерек, стараясь не попадаться на глаза красным, а в сумерках спрятался возле дороги в высокой пшенице.

Когда стемнело, послышался скрип колес и на дороге показалась телега. Борис опасливо выбрался на дорогу, всмотрелся – возле телеги шел тот самый бородатый мужик, а на телеге сидело еще несколько.

– Здоров, паныч? – вполголоса окликнул Бориса знакомец. – Извольте гроши.

Борис протянул мужику деньги и пошел рядом с телегой. Шли молча несколько минут, потом с телеги донесся скрипучий голос:

– Зря ты, Матвей, паныча взял. Из-за него и нас красные постреляют.

– Типун те на язык, Васька! – вполголоса отругался провожатый. – Кажную ночь ходим, ни разу красным не попались!

– Прежде – не попадались, – проскрипел тот же голос, – а нынче – обязательно попадемся.

– Умолкни ты, окаянный! – Матвей в сердцах повысил голос. – Сглазить ты, что ли, хочешь? Всего-то версты три пройти, и обойдем все посты ихние!

– Умолкнуть? – ядовито проскрипел Васька. – А чтой-то я молчать должен? Ты-то с паныча гроши взял, вот ты и молчи, а мне ни жменечки не перепало, так я хоть покалякаю!

– Сволочь ты, Васька! – со слезой в голосе заговорил Матвей. – Что же ты, сволочь, делаешь? Мы же все через тебя пропадем! Я же тебя на телегу посадил и мешок твой взял, сам пешком тащусь – и тебе же еще и деньги плати?

– Не хочешь – не плати! – Васька заговорил нарочно громко, в голосе его зазвучала истерическая нотка. – А только точно тебе говорю – сегодня нас из-за твоего паныча красные постреляют!

Рядом с Васькой на телеге приподнялась чья-то голова, блеснули в темноте яркие белки глаз, женский молодой голос тихо произнес:

– Ты, шкура барабанная, только еще пикни – я тебе железом нутро-то прополосну!

Борис взгляделся: на телеге рядом с Васькой приподнялась молодая цыганка, в руке ее тускло отсвечивал в лунном свете нож.

– У, ведьма! – трусливо визгнул Васька, отодвигаясь от цыганки. – Креста на тебе нет, проклятое племя!

И в это мгновение впереди раздался самый страшный звук – звук передергиваемого затвора.

– Вот же ты сволочь какая, – вполголоса произнес Матвей, – накликал же Васька нелегкую!

Васька хотел было что-то сказать, но цыганка прижала нож к его боку и прошептала:

– Только пикнешь, шкура драная, зарежу и глазом не моргну!

Васька покосился на цыганку, поверил в серьезность ее слов и окончательно замолчал.

Со всех сторон из пшеницы выступили солдаты.

– Кто такие, куда идете? – спросил комиссар-большевик в кожаной куртке.

– На Украину, за мучицей, батюшка товарищ, а то голодно! – быстро ответил за всех Матвей, пока кто-нибудь не ляпнул чего лишнего.

– Все за мукой? – недоверчиво переспросил комиссар.

– Все, батюшка товарищ!

– Ладно, можете идти... кроме тебя. – Комиссар ткнул пальцем в Бориса.

– Почему же мне – нельзя? – спросил Борис, по возможности спокойно. – Мы ведь одна ватага.

– Правду он говорит? – Комиссар повернулся к людям на телеге.

– Правду, правду, батюшка товарищ! – торопливо подтвердил Матвей.

– Не тебя спрашиваю, – отмахнулся комиссар.

– Правду! – вразнобой подтвердили попутчики.

Васька покосился на цыганку и промолчал.

– Все равно, вы идите дальше, а этот останется.

Борис безнадежно смотрел вслед удаляющейся телеге.

– Почему же мне нельзя, товарищ большевик? – спросил он тоскливо, предчувствуя ответ.

– Личностью не вышел, – коротко ответил комиссар, – морда у тебя белая.

– Какой я белый? – запротестовал Борис. – С голоду за мукой иду...

– А вот в штаб тебя сведу – там и поглядят, какой ты взаправду. Стороженко, Храпцов – а ну, отведите этого в штаб!

Двое солдат вышли из общей массы, встали чуть сзади от Бориса и повели его по дороге обратно к станции.

– Братцы, – начал Борис, когда комиссар с остальными солдатами пропал из виду, – вы сами-то откуда будете?

– А тебе-то не все равно? – ответил один. – Я вот, допустим, псковский...

– А из какой же деревни?

– А тебе-то что? Ну из Надворья...

– Так я ведь в Надворье бывал, у меня там родня... – начал Борис вдохновенно врать, – дядя Ваня, что возле околицы живет, он мне родственник...

– Дядя Ваня? – заинтересовался солдат. – Это хромой, что ли?

– Во-во, он самый, хромой и есть.

– Так он не у околицы, а у пруда...

– Точно, возле пруда, это я запомнил по малолетству... Мы в этом пруду мальчишками карасей ловили.

– Ха! – развеселился солдат. – Я ведь тоже карасей в том пруду ловил!

– Может, мы с тобой вместе их и ловили-то... то-то я смотрю, вроде человек знакомый!

– Ну надо же! – Солдат растрогался. – Где Бог свидеться дал...

– Хорошие караси в пруду были! А что в штабе-то, небось со мной и разбираться не станут: шлепнут – и все разговоры?

– Это как водится, – вздохнул солдат, – в штабе у них разговор короткий...

– Братцы, – пожалобнее начал Борис, – может, вы меня... того...

– Ты это брось, контра, – вступил в разговор второй солдат, до сих пор хранивший молчание. – Вишь, на жалость берет! Велено в штаб, значит, в штаб и поведем!

– А я бы... на водку вам... и по-человечески, земляки все ж таки... Карасей мальчишками вместе ловили...

– А сколько бы, допустим, ты нам на водку? – задумчиво проговорил «земляк».

– Да хоть бы сто рублей, – наудачу предложил Борис.

– Сто рублей – это хорошо... а то ведь правда в штабе шлепнут его без всяких разговоров... и земляки опять же...

Борис скосил глаза на небо: к луне подбиралась большая туча.

– Вот они, сто рубликов-то, – протянул он солдату деньги.

– Сто рублей – это хорошо... только комиссар-то нам... – начал раздумчиво «земляк», для верности спрятав деньги.

В это время туча напозла на щербатый диск луны, и Борис, не дожидаясь, пока размышления солдата придут в последнюю, явно неблагоприятную фазу, сложился пополам и резко нырнул в пшеницу.

– Стой, земляк! – недовольно окликнул его солдат и сдернул с плеча винтовку.

– Черт тебе земляк, – пробурчал Борис себе под нос, зигзагами улепетывая в хлеба.

– Стой, дура, я же тебя не трону! – истошно вопил солдат.

Борис бежал согнувшись, ожидая выстрелов. Пшеница предательски шуршала, обозначая его передвижение. Звук этот казался Борису непомерно громким.

– Стой же, контра проклятая! – Оба солдата начали палить по хлебам, но в сгустившейся темноте это было совершенно безнадежно.

Борис проснулся и долго лежал, глядя в ночное звездное небо, вспоминая наяву, что случилось дальше. Солдаты, постреляв, ушли, переругиваясь, а Борис, отлежавшись, потихоньку пошел прямо по полю в том направлении, куда уехала телега. Версты через полторы он отважился выйти на дорогу, а к рассвету вдаль показались дома и железнодорожная станция.

– Какое село? – спросил он у мальчишки, что гнал в поле четырех коров.

– Отрадное, – бросил тот не оглянувшись.

У Бориса отлегло от сердца – Отрадное было уже на Украине.

Хозяин гостиницы «Париж» Ипполит Кастелаки был вдов, немолод и неизлечимо болен. Дела в гостинице шли плохо, хоть Феодосия и набита была приезжими. Но платили они неаккуратно, ломали мебель и рвали и без того дырявые простыни, а некоторые вообще норовили съехать, не заплатив. В этот вечер Кастелаки долго подсчитывал убытки и вздыхал сам себе. В комнате была страшная жара, потому что он боялся раскрыть окно, чтобы не влезли и не украли кассу.

Наконец хозяин гостиницы закрыл учетную книгу, убрал в потайное место тонкую пачку денег, горестно пожевав над ней губами, и разделся до кальсон. Напоследок он приоткрыл дверь и прислушался. Была глубокая ночь, все постояльцы гостиницы «Париж» давно спали. Кастелаки с облегчением запер дверь в свою комнату и сел на кровать, скрипнув пружинами. Не глядя протянул руку, взял с комода графин с несвежей третьегодичной водой и растворил в стакане порошок, что дал ему аптекарь Гринбаум. Порошок якобы помогал от печени. Кастелаки выпил лекарство поморщившись, привычно ругнув Гринбаума, погасил лампу и долго

еще сидел на кровати, почесываясь и вздыхая. Наконец его сморил тяжелый сон – не иначе Гринбаум подмешивал в порошок снотворное.

Проснулся Кастелаки от того, что почувствовал в комнате присутствие чужих людей. Не открывая глаз, он с ужасом понял, что сбылись самые страшные его опасения: воры проникли в гостиницу и теперь ищут деньги. Он лежал, обливаясь холодным потом, и думал, что делать: закричать – авось кто-нибудь услышит и придет на помощь – или же притвориться спящим, пускай они забирают кассу, а его оставят в покое. Его колебания были прерваны самым недвусмысленным образом: мощная рука отбросила одеяло и встряхнула несчастного хозяина гостиницы так, что у того клацнули немногие оставшиеся зубы.

Кастелаки открыл глаза. Прямо перед собой увидел он равнодушное бритое лицо. Голова тоже была обрита наголо. Глаза, и без того узкие, прятались в складках век.

«Татарин!» – понял Кастелаки.

Одет был человек в кожаную жилетку, под кожей голых рук, как змеи, перекачивались мускулы.

– Ну? – спросил страшный татарин.

Кастелаки молчал, потому что от ужаса у него перехватило горло.

– Ну? – повторил татарин.

– Д-деньги там, – прохрипел несчастный Кастелаки, указывая пальцем укромное место.

Две руки протянулись сзади, подняли его за плечи и опять швырнули на кровать. На удар болью отозвались все внутренности и жалобно скрипнули старые пружины.

– Говори, овечье дерьмо, кто позавчера убил этого, в черкеске, который у тебя номер брал.

– Его же забрали в контрразведку! – в полном изумлении пролепетал Кастелаки. – Скажили ту... – тут несчастный хозяин икнул от страха, – турецкий шпион.

– Значит, он его убил, а сам тут же в номере спать лег? – издевательски продолжал бритый. – А ты небось ничего не видел и ничего не знаешь?

– Так точно. – От страха Кастелаки стал выражаться по-военному.

– Что нашли при нем?

– Ни... ничего не нашли, – ответил чистую правду хозяин, – они, из контрразведки-то, ругались очень, что не нашли.

– Кто еще был с ними вечером?

– Никого, – испуганно бормотал хозяин, – они только вдвоем сидели, в карты играли...

Страшный татарин быстро ткнул хозяина кулаком в живот. Больную печень пронзила ужасная боль, и Кастелаки закричал громко, по-звериному. Стоявший сзади слишком поздно успел зажать ему рот.

На крик где-то наверху хлопнула дверь, чей-то голос спросил сонно, будет ли покой в этом клоповнике, потом кто-то нервный потребовал хозяина.

Кастелаки смотрел бессмысленными глазами, ничего не соображая от боли. Стоявший сзади вышел на свет, подошел к двери, прислушиваясь, потом быстро замотал Кастелаки рот тряпкой, а на голову натянул мешок. Они подхватили слабо сопротивляющееся тело и вытащили его в открытое окно. Кастелаки чувствовал, что его тащат, потом фыркнула лошадь, и его погрузили на повозку. Мотаясь по дну арбы и подпрыгивая на ухабах, Кастелаки вспомнил, что нужно было сказать похитителям про лакея Просвирина, что тот разговаривал с убитым, приносил вино в номер, а он ничего не знает. Но печень болела невыносимо, к тому же он начал задыхаться под тряпкой. Сердце поднималось к горлу, он чувствовал, что оно хочет выскочить из груди. Наконец при сильном толчке в голове у несчастного хозяина гостиницы «Париж» вспыхнул яркий неестественно белый свет, и он перестал ощущать боль и неудобства.

Арба остановилась на берегу моря, татары вынесли бесчувственное тело на обрыв и сняли мешок. Исполиту Кастелаки было уже все равно. Бритый вытащил нож, приложил его ко рту

своей жертвы, убедился, что Кастелаки не дышит, и огорченно поцокал языком. Потом он привязал к телу большой камень и выбросил труп в море.

После полудня Спиридон, напряженно вглядывавшийся в горизонт, вдруг закричал что-то по-гречески. Его подручные засуетились, фелюга развернулась и стремительно понеслась к видневшемуся вдалеке берегу.

– Что случилось? – встревоженно спросил Борис.

Тот отвечал неохотно, было видно, как он озабочен:

– Кто его знает... Плохие люди... Грабить могут, убивать могут...

– Пираты, что ли? – изумленно спросил Борис.

– Не знаю, какие такие пираты. Плохие люди. Прятаться надо.

Берег рос на глазах. Фелюга скользнула мимо крутого утеса и плавно вошла в укромную бухту, отгороженную от моря скалой. Греки свернули парус, скатав его на реек. Спиридон перепрыгнул с борта фелюги на выступ, нависающий над водой, и ловко, как большая обезьяна, вскарабкался на утес, откуда просматривалось море. Там он лег, слившись со скалой, и замер. Борис долго наблюдал за ним, пока глаза не начали слезиться от утомления. Дав им на несколько секунд передышку, он снова взглянул в прежнем направлении, но уже не смог найти контрабандиста – тот непонятным образом слился с камнями и стал совершенно невидим. Борис откинулся, привалился к мягкому тюку и задремал незаметно. Когда он снова проснулся, солнце прошло уже большую часть своего дневного пути. Двое контрабандистов тоже валялись на дне фелюги в полудреме, Спиридона не было видно. Вдруг он возник на скале за бортом – совершенно беззвучно, будто материализовавшийся дух. Легко перескочив в лодку, он только коснулся рукой плеча юноши, похожего на греческого бога, и тот, мгновенно проснувшись, взялся за парус. Борис, на которого беззвучное появление Спиридона произвело сильное впечатление, спросил шепотом:

– Пираты ушли?

– Не знаю я никаких пиратов, – негромко отвечал Спиридон, – плохих людей не видно.

А что ты шепотом говоришь?

– Так ведь ты, Спиридон, тоже... тихо так появился, тихо своих разбудил.

– Я всегда тихо хожу, – ответил Спиридон, – зачем мне шуметь? Я шум не люблю. Я и мотор не хочу ставить, мотор шумит сильно. А парус – вот он: тихий, быстрый...

Фелюга, словно подтверждая его слова, беззвучно и стремительно вышла из бухты и, словно чайка, полетела вдоль скалистого берега.

Прошло около часа в тишине и покое разомлевшего моря. Солнце медленно клонилось к закату. Фелюга постепенно удалялась от берега, как вдруг, резко разорвав тишину, раздалось почти рядом тарахтение внезапно заработавшего мотора. Спиридон, мрачный как туча, громко выругался по-гречески и схватился за рулевое весло.

Из укромной бухты, мимо которой только что прошла фелюга, стремительно вылетел моторный катер. Спиридон безнадежно огляделся, сказал что-то своей немногочисленной команде, затем обернулся к Борису:

– Га-аспадин хароший, быстро прячься туда, где сидел, – в каюту. Мы бедные греки, нас, может, и не тронут, а кто ты такой – не знаю, тебя плохие люди точно убьют.

Борис послушно полез обратно в тайник, Спиридон снова прикрыл его циновкой и ушел на корму фелюги, проверив «маузер», спрятанный за пазухой.

Борис прильнул к отверстию в стенке каюты, через которое прежде наблюдал встречу с Григорием Степаньчем.

Быстро увеличиваясь в размерах, моторный катер приближался к суденышку контрабандистов. На носу катера, тускло отсвечивая на солнце, медленно поворачивался ствол пулемета «максим». Рядом с пулеметчиком показался зверского вида детина в матросском бушлате,

опоясанный пулеметными лентами. Размахивая огромным «маузером», он заорал, перекрывая шум мотора:

– Греки, мать вашу, стой! А то сейчас из пулемета потоплю ваше корыто к чертовой матери, отправите свою кефаль кормить!

Спиридон мрачно смотрел на приближающийся катер и молчал. Матрос взмахнул рукой, и пулеметчик дал короткую очередь, взбив фонтаны брызг возле самого корпуса фелюги. Спиридон бросил несколько греческих слов своей команде, и те свернули парус.

Катер подошел вплотную, матрос забросил на борт суденышка железные крючья, подтянул катер, вплотную притершись бортами.

Борис в щелочку разглядывал экипаж пиратского катера. Кроме матроса – таких он достаточно насмотрелся в революционном Петрограде: тот же бушлат, те же невероятной ширины брюки клеш, те же пулеметные ленты, которые матросы, по-видимому, считали просто деталью своего парадного костюма, – на катере было еще двое. Первый – дикого вида джигит, не то черкес, не то лезгин, лежавший за пулеметом. Несмотря на адову жару, он был в косматой меховой шапке, надвинутой на один глаз, что делало его похожим на циклопа. Второй, как ни странно, была женщина. Женщина эта показалась Борису страшнее всех. Хотя и матрос производил мрачное впечатление – давно не бритая широкоскулая рожа, пересеченная плохо зарубцевавшимся кривым сабельным шрамом, маленькие злобные глазки, щербатый рот с золотыми фиксами, – но женщина выглядела куда опаснее. Одета в галифе и офицерский френч без погон, коротко стриженная, она смотрела на экипаж греческого суденышка с таким злобным наслаждением, с такой радостной ненавистью, с какой, должно быть, хищный зверь смотрит на пойманную жертву, чьими предсмертными муками хочет позабавиться больше, чем съесть. Садизм и наркомания ясно читались в блеклых безумных глазах пиратки.

– Что везем? – с обманчиво грубой симпатией спросил матрос, поводя из стороны в сторону стволом «маузера», направляя его то на Спиридона, то на его команду.

– Мы бедные гре-еки, – жалобно, нараспев проговорил Спиридон тоном вокзального нищего, – что мы можем везти? Немножко поесть, немножко выпить... Хотите греческой водки, добрые га-аспада?

Матрос сглотнул слюну, сплюнул и прорычал:

– Водки – само собой. А как насчет опиума, грек?

– Опиум? – переспросил Спиридон таким тоном, будто слышал это слово впервые. – Опиум? Ну, немножко для гаспадина матроса найдется.

– Кончай ты их, – низким, хрипловатым голосом сказала женщина, подходя ближе к борту катера и расстегивая кобуру «нагана». Она сказала это так буднично, словно просила у своего товарища закурить. – Кончай их, Махра, там разберемся, что у них есть на фелюге.

– Ну, Сонька, ты даешь! – восхищенно присвистнул матрос. – Сразу в расход! Сперва надо среди них эту... егитацию провести! Мы же не бандиты какие, мы – вольные анархо-революционеры Черного моря! Мы вот сейчас выявим ихнюю классовую сучность – а тогда уже и кончим как врагов вольной анархии!

Лицо женщины перекосилось злобной гримасой. Она вытащила «наган» из кобуры со словами:

– Пошел ты, Махра, со своей агитацией! Я крови хочу!

Борис понял, что сейчас начнется кровавая бойня. Все последующее заняло какие-то доли секунды. Он вытащил из-за пазухи холодивший его грудь «наган» Горещкого и прямо сквозь доски каюты выстрелил в матроса. Времени на раздумья у него не было. Сработал инстинкт: женщина, при всей ее опасности, была дальше, она еще не успела изготовить оружие к бою, между ней и греками стоял матрос, который не позволял ей вести прицельный огонь. Пулеметчик вообще был в данный момент не опасен, поскольку, подтянув катер к борту фелюги, пираты развернулись так, что греки оказались в мертвой зоне пулемета, а чтобы раз-

вернуть пулемет, понадобилось бы немало времени. Все эти длинные рассуждения промелькнули в голове Бориса в ничтожную долю секунды – откуда только что взялось, ведь всегда он был человеком сугубо штатским.

Он выстрелил сквозь стенку, и его выстрел достиг цели. Матрос заревел, как раненый бык, изо рта у него хлынула кровь, и он как подкошенный свалился за борт фелюги. Прежде чем тело его коснулось воды, младший грек метнул в женщину невесту откуда взявшийся в его руке тяжелый рыбацкий нож. Лезвие вошло ей чуть ниже уха, и анархистка упала на спину, обливаясь кровью. Лезгин-пулеметчик, громко ругаясь, пытался развернуть «максим» стволом к фелюге, но Спиридон уже перепрыгнул на борт катера и из своего «маузера» дважды в упор выстрелил кавказцу в голову.

Наступила та особенная тишина, что бывает только после боя. Несколько секунд все оставались на тех же местах, каждый боялся шевельнуться, будто страшно было разбить эту тишину. Первым нарушил ее юный грек. Он затянул торжествующую песню чистым мальчишеским голосом и легко перепрыгнул на катер пиратов. Там он вытащил нож из шеи убитой женщины и потянулся за ее «наганом», но Спиридон остановил его резким окриком. Между ними произошла горячая перебранка, и обиженный мальчишка вернулся обратно на фелюгу.

Борис ползком выбрался из каюты, потому что в ногах была противная слабость, и наклонился над бортом. Его вырвало. Греки тактично делали вид, что ничего не замечают, кстати, у них было чем заняться. Спиридон отдал несколько коротких распоряжений, и его подручные начали быстро сбрасывать в воду вещи с пиратского катера. Туда же последовали мертвая женщина и пулеметчик. Борис очухался немного и удивленно спросил, зачем они это делают.

– Отдаем все морю. Катер тоже отдадим морю. Нельзя ничего оставлять себе. У плохих людей есть друзья. Кто-то из них может опознать вещи, одежду... А так – мы ничего не видели и не знаем – те плохие люди пропали – и все.

Помолчав немного, Спиридон сказал серьезно:

– Тебе спасибо. Если бы не ты, нас всех убили бы.

Он протянул Борису руку, и тот с радостью пожал ее. Помощник Спиридона маленьким топориком прорубил дыру в днище катера и поспешно перепрыгнул на фелюгу. Греки распустили парус, и суденышко легло на прежний курс. Борис смотрел за корму и увидел, как катер медленно погружался, а затем резко нырнул и исчез под водой, оставив на поверхности моря пузыри и масляные пятна. Спиридон произнес, не поворачивая головы и будто ни к кому не обращаясь:

– Первый раз человека убить тяжело и страшно. Не думай об этом: это был плохой человек, и, если бы ты его не убил, он бы убил всех нас.

– А тебе часто приходилось убивать, Спиридон? – спросил Борис, помолчав.

– Случалось. Я помню каждого, и иногда они приходят во сне.

Борис вспомнил зверское лицо убитого им матроса и подумал, что сны его станут страшными. Но был ли у него выбор? Два года, два года чертовой свистопляски в стране, и за это время он только бегал и спасался. А его били и унижали все: красные, махновцы, деникинская контрразведка. Не пора ли начать давать отпор? И сегодня он это сделал.

Всего плавание продолжалось пять дней. За все время один раз пристали к берегу в уединенном месте. Берег был низкий, так что пришлось бросить якорь. Мальчишка прыгнул в воду и понес на берег два тюка. На узкую полоску пляжа из зарослей вышла живописная группа: осел, нагруженный бурдюками, старик в соломенной шляпе и молодая женщина, по обычаю гречанок вся в черном.

– Родственники, – пояснил Спиридон.

– У вас, греков, везде родственники, – согласился Борис. – А ты в Константинополе был, Спиридон?

– Был, – ответил тот, – на Черном море я везде был.

Юноша передал тюки, поговорил о чем-то со стариком. Тот отвязал бурдюк с вином и отдал парню. Девушка взяла корзинку, наполненную виноградом и персиками, и смело вошла в воду, переступая смуглыми ногами по острым камешкам и не морщась. Вода доходила ей до колен, но до фелюги еще было далеко. Она крикнула что-то звонко.

– Пойди помоги сестре, – повернулся Спиридон к Борису.

Тот по пояс в воде пошел к берегу. Из-под платка на него глянули черные глаза в поллица, губы, вырезанные лепестками, улыбались и говорили что-то по-своему... Борис обмер, глядя на такую красоту, но тут же вспомнил, что по разбитому Карновичем лицу пошли уже, верно, желтые и фиолетовые синяки, что он не мылся пять дней, а не брился еще дольше, что от него несет рыбой и мерзкой овчиной, и помрачнел. Красавица засмеялась и протянула ему корзинку. Борис взял, поблагодарил кивком головы и пошел не оглядываясь к фелюге.

– У аппарата Деникин.

– У аппарата Май-Маевский.

– Владимир Зенонович, поздравляю вас с освобождением Киева от красной нечисти. Чрезвычайно важным считаю отступление Петлюры перед нашими доблестными войсками – мы стали еще на шаг ближе к единой и неделимой России. Украинским сепаратистам – никакой пощады! Теперь все силы сосредоточьте на Орловском направлении. Орел – орлам!

– Антон Иванович, для успешности операций поторопите прислать обмундирование и боеприпасы. Корпус Юзефовича скверно укомплектован, почти раздет, много больных. Наблюдается рост дезертирства. Крестьянство враждебно настроено. Еще раз настаиваю на скорейшем разрешении аграрного вопроса.

– Владимир Зенонович, обмундирование вышлю. Как ведет себя Шкуро?⁸

– Шкуро неуправляем, в его корпусе пьянство и оргии. На мой взгляд, необходимо под предлогом повышения отозвать его в ставку. Еще раз настаиваю на разрешении аграрного вопроса.

– Напоминаю вам, Владимир Зенонович, свою июньскую директиву: наша главная цель – Москва. Когда мы зайдем Москву – решим все второстепенные вопросы, в том числе и аграрный. Относительно Шкуро я приму решение. Его недисциплинированность крайне опасна для нашей политики, с другой стороны, его корпус чрезвычайно боеспособен, а в условиях современной войны и того театра военных действий, на котором мы продвигаемся, кавалерия играет решающую роль. Терцы и кубанцы Шкуро весьма преданны... Вопрос непростой.

– Антон Иванович, я не считаю аграрный вопрос второстепенным. Обещания потеряли свое значение, фураж приходится брать силой под угрозой казни. Я опасюсь массовых беспорядков среди крестьян, возникновения партизанского движения. Аграрная реформа необходима!

– Еще раз повторяю: этот вопрос решится в Москве. Необходимо предупреждать беспорядки всеми возможными средствами и не допускать ослабления власти. Сегодня ваша главная задача – продвижение на Орловском направлении.

– Антон Иванович, надежны ли донцы? Не повторится ли история, подобная Купнянской?⁹

---

⁸ Шкуро (Шкура), Андрей Григорьевич – белогвардейский генерал-лейтенант, был начальником Кубанской казачьей бригады, дивизии в армии Деникина, с мая 1919 г. – 3-го Кубанского корпуса. Возглавляемые им войска отличались особой жестокостью и недисциплинированностью. Эмигрировал. В 1939—1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. задержан английскими войсками в Австрии и выдан советскому командованию, расстрелян.

⁹ Май-Маевский имеет в виду прорыв красными фронта на стыке Добровольческой и Донской армий возле станицы Купнянской. Генерал Май-Маевский, несмотря на паническое настроение штаба, оставался в Харькове, для успокоения войск и населения разъезжал по улицам в открытом автомобиле. По его приказу бригада генерала Шифнера-Маркевича «завязала» образовавшийся мешок.

– Не беспокойтесь, Владимир Зенонович, Богаевский¹⁰ надежно держит Дон в руках.

– Антон Иванович, стоит ли держать под Царицыном такие силы, терять людей ради одного только соединения с Колчаком? Следовало ли вам принимать верховное командование адмирала?

– Не будем снова возвращаться к этой теме! Итак достаточно честолюбцев, которые ради личных амбиций не останавливаются перед расчленением Великой Единой России. Я подчинился адмиралу Колчаку, как Верховному Главнокомандующему русских армий и Верховному правителю Русского государства, поскольку спасение нашей Родины заключается в единой власти... Впрочем, вы сами знаете, что все будет решаться в Москве, а сегодня мы неуклонно движемся к Белокаменной, а войска адмирала отступают. Кроме того, подчинение это чисто формальное, вы сами знаете, что телеграммы между Омском и Екатеринодаром идут через Париж, а военные сводки Сибирского фронта мы получаем от англичан через Лондон. Курьеры следуют через Владивосток три месяца, а когда генерал Гришин-Алмазов попытался прорваться через Каспий в мае, его катер наткнулся на красный миноносец, ему самому пришлось застрелиться, а военные сводки и мое личное письмо к Колчаку попали в руки большевиков... В таких условиях можно ли говорить о непосредственном подчинении? Важно только соблюдение принципа единоначалия! Еще раз жду от вас скорейшего продвижения на Орловском направлении, желаю полного успеха.

---

¹⁰ Богаевский, Африкан Петрович (1872—1934) – генерал-лейтенант. К моменту описываемых событий, после ухода в отставку Краснова, атаман Войска Донского.

Глава четвертая

В Батум приплыли ночью. Еще издали, в темноте, в стороне города, Борис заметил зарево.

– Пожар?

– Увидишь, – усмехнулся Спиридон.

И Борис вскоре увидел. Город был раскален от массы электрического света, словно огромная корзина, сотканная из светящихся вольфрамовых нитей. После полутемной подслеповатой Феодосии, где даже на центральной Итальянской жизнь затухает к ночи и освещенными остаются только аптеки, Борис показалось, что он плывет в сказку.

– Мы тебя в стороне высадим, – обратился к нему Спиридон, – версты три до города будет. Сразу в центр не суйся, в таком-то виде.

– Сам знаю, – кивнул Борис.

– Ну, бывай здоров. – Спиридон протянул руку. – Греки добро не забывают, если что нужно, узнавай про меня в лавке Костаропулоса, в порту, возле моря. Костаропулос – мой брат, знает, где меня искать. А назад в Крым, если надумаешь, бесплатно доставлю.

Опять с опаской ступил Борис на шаткие сходни, но за пять дней на море он научился держать равновесие, так что обошлось без неприятностей. Тропинка меж каменных осыпей нашлась с трудом. Борис сделал несколько шагов по ней и обернулся. Фелюги он уже не увидел.

Тропинка круто шла в гору, но идти по ней можно было в полный рост, а не ползти на четвереньках, как в Феодосии. Вообще, насколько мог заметить Борис в темноте, берег здесь был более пологим. Когда он наверху вышел на дорогу, начинало светать. Вокруг дороги дремали мандариновые деревья, усеянные желто-зелеными плодами. Борис из любопытства сорвал один мандарин, но есть не стал – скулы свело от кислоты. Мандарины собирают в октябре, говорил ему Спиридон. Борис поднялся на холм и огляделся. Впереди лежал город, силуэты домов смутно просматривались в предраассветной мгле. Чуть в стороне Борис заметил полотно железной дороги и станцию – казавшийся издали игрушечным домик, выкрашенный бело-голубой краской. Внезапно Борис почувствовал такой пронзительный запах еды, что желудок свело судорогой. Он вспомнил, что не ел со вчерашнего дня, и ноги сами повели его на запах.

Маленькая деревушка уходила в сторону от главной дороги, из первого домика и доносился запах еды. Борис отворил низенькую дверь и спустился в полуподвальное темное помещение. Какие-то люди – все мужчины – сидели за длинным столом и хлебали из мисок дивно пахнущий суп. К Борису подскочил человек, в котором безошибочно можно было узнать слугу. Он указал место за столом и принес такую же миску, как другим.

– Что это? – любопытствовал Борис, окуная ложку.

– Как, дорогой, ты не знаешь? Хаши!

Густое горячее варево пахло специями и приятно обожгло желудок.

– Постой, дорогой, постой, как же можно просто так хаши кушать? – суетился слуга, ставя перед Борисом стакан с водкой. – Так просто нельзя...

Водка была крепкая, но до Спиридоновой греческой ей было далеко, так что Борис хватил полстакана не моргнув глазом. Он думал, что его развезет от водки и сытной горячей пищи, но наоборот: прибавилось сил, и в организме появилась бодрость. Люди за длинным столом поднялись и ушли, не глядя на Бориса; судя по тяжелой походке и натруженным рукам, это были крестьяне либо грузчики.

Борис выбрал из оставшихся денег купюру поменьше и дал слуге. По тому, как тот оживился, он понял, что дал слишком много, но прохиндей, как все официанты, ни за что не

признается и не даст ему сдачу. Он решил воспользоваться ситуацией и получить кое-какую информацию.

– А что, скажи-ка мне, где можно в Батуме комнату снять?

Слуга так удивился, что даже выронил грязную посуду.

– Дорогой, ты не знаешь? В Батуме не живут, в Батуме ночуют! В городе народу очень много, всем места не хватает. Лавочники со всей семьей так в лавках и спят, приезжие – кто где. Я сам в хашной ночую. Вот тут ночью хозяин хаши варит, а вот тут, на лавке, я сплю...

Он еще долго бы распространялся по поводу батумского жилищного кризиса, но Борис перебил его и спросил, как найти ему где-нибудь тут поближе лавку подержанной одежды. Слуга посерьезнел, оглядел Бориса внимательным взглядом и вывел на дорогу, рассказав, куда идти. Не пройдя и двухсот шагов, Борис услышал в небольшом овражке журчание ручья и спустился. Там он разделся и вымылся прохладной водой. Рана под повязкой покрылась розовой кожей. Борис выбросил грязную холстину подальше в овраг. Морщась, он снова надел несвежую одежду и зашагал к городу.

Незадолго до этого, когда в городе было еще смутно, фелюга неслышно подплыла к берегу. Это был квартал лавок у моря. Дома и склады стояли темные, с наглухо запертыми железными ставнями. Где-то в стороне слышалась трещотка сторожа. Спиридон пристал с самого края, где находились не огромные склады крупных иностранных фирм – «Валацци», «Ллойд-Триестина», «Витали», «Камхи», а крошечные лавочки. В Батуме, где естественным состоянием человека считалась только торговля, к контрабандистам относились нестрого, поэтому Спиридон пристал прямо к нужной лавке, чтобы не таскать тяжелые тюки зря. Услышав его тихий свист, одно окошко в лавке осветилось, появился хозяин, залопотал по-гречески. Спустили сходни, быстро и споро перетаскали тюки в лавку. Спиридон удалился с хозяином в дом для расчетов, его команда, предвкушая отдых и приятное времяпрепровождение, нетерпеливо топталась на берегу.

Завершив сложные переговоры, Спиридон вышел на берег, и тут от угла склада отделилась тень и шагнула к нему.

– Здравствуй, Спиридон! – окликнули негромко.

– А, это ты. – Спиридон недобро блеснул глазами, разглядев человека в светлой рубашке, подвязанной ремешком, и аджарской шапочке.

– Вижу, что плавание твое в этот раз закончилось благополучно. Однако где пассажир? Тебе было велено высадить его здесь...

– Он спас мне жизнь, – глухо ответил Спиридон. – Я высадил его в другом месте.

– Вот как? Смотри, Спиридон, у тебя могут быть неприятности. Кое-кому может не понравиться, что ты не выполнил задание.

– Я на вас не работаю. – Спиридон повернулся к своему собеседнику боком, чтобы тот увидел у него «маузер».

Невесть откуда взявшийся мальчишка из его команды неслышно возник сзади человека в белой рубашке с ножом наготове, но Спиридон отрицательно покачал головой. Человек обернулся резко и встретил ненавидящий взгляд мальчишки.

– Иди отсюда, – медленно сказал Спиридон, – и не приходи больше.

В полном молчании греки на веслах отплыли от берега. Человек в белой рубашке выругался сквозь зубы и скрылся в переулке.

В крошечной неопрятной лавочке Борис долго торговался с пожилым турком, но выменял-таки свой железнодорожный френч на парусиновую блузу грязно-белого цвета. Штаны турок продал ему из странной материи, которую Борис определил как чертову кожу, во всяком случае, на черте она была бы более уместна, чем на брюках. Английские ботинки ничуть не

пострадали ни от лазанья по горам, ни от морской воды. В парусине Борис почувствовал себя человеком, потому что воздух по мере восхода солнца все больше напоминал парную. После лавчонки Борис зашел в первую же парикмахерскую, попросил подстричь коротко и побрить. По окончании процедуры брадобрей сунул ему под нос зеркало. Борис внимательно оглядел себя и остался доволен: царапины на лице зажили, желтеющих синяков не было заметно под загоревшей кожей, коротко стриженные волосы придавали ему более мужественный вид. Выбитый подлецом Карновичем зуб был не передний, так что ничто не портило внешности. Борис с грустью пересчитал оставшиеся деньги, кинул парикмахеру мелочь и вышел на воздух. К тому времени окружающая среда напоминала уже не парную, а скорее оранжерею ботанического сада. Этому способствовали еще и разные тропические растения, даже пальмы. На главных улицах – Греческой, Мариинской – пальмы росли в кадках, и это еще больше напоминало оранжерею. На улицах попроще пальмы росли прямо так, и казалось, что они этого стесняются.

Город полностью пробудился и жил своей обычной суматошной жизнью портового и торгового города. На деловой Греческой, где располагаются конторы крупных иностранных фирм, а также все остальные, носились коммерсанты, на всех лицах написана была озабоченность делом. Борис разглядел солидных немногословных турок, экспансивных, живых итальянцев – эти жестикулировали и бегали, казалось, больше всех. На набережной все двери лавок были открыты и видно было, как владельцы – все толстые персы – важно и тихо беседуют о своем либо спят прямо тут, в лавке. Над всем городом витал прочный дух крепкого турецкого кофе. Кофеен было великое множество. На приличной Мариинской улице кофейни были шикарные, с оркестрами, с зеркалами, с медными дверными ручками и светильниками, начищенными до рези в глазах. Публика в них была соответствующая: английские офицеры, моряки в белоснежных кителях, дамы в шикарных туалетах.

Борис свернул в сторону и посидел немного в кофейне попроще, где в полумраке светились угольками жаровня и хозяин, как дьявол или алхимик, колдовал над удивительным напитком, а слуга, сбиваясь с ног, носил и носил крошечные дымящиеся чашечки, сопровождаемые по турецкому обычаю стаканом холодной воды.

По сравнению с улицами в кофейне было тихо. Борис сидел, отхлебывая потрясающе вкусный кофе, и размышлял о своем. Во-первых, денег осталось всего чуть-чуть, так что он понятия не имеет даже, где будет сегодня спать. Во-вторых, документов нет, так что если местные власти или англичане заинтересуются его документами, то живо загребут. Ему рассказали, что в порту есть такая специальная тюрьма для подозрительных лиц и всех русских высылают обратно в Крым. А в Крыму Бориса встретят нелюбезно, уж это точно.

Теперь хорошее. Если и были у подполковника Горецкого какие-то планы насчет Бориса, то им не суждено сбыться, потому что никто Бориса не встретил в Батуме и никто за ним не следил. Спиридон высадил его в пустынном месте, Борис заметил бы слежку. А в этакое содоме, что творится здесь, в Батуме, найти кого-то невозможно.

Борис посидел еще немного, потягивая кофе, принимая решение. Если верить Горецкому, то убитый Махарадзе вез список турецких агентов в Крыму и предназначался список представителям английской разведки там же, в Крыму. Тогда возникают два вопроса: почему Махарадзе не передал список английскому резиденту и откуда в контрразведке Добрармии знали про список? Хорошо бы задать эти вопросы Горецкому и самое главное – получить на них правдивые ответы. Потому что в голове у Бориса сидело предположение, что Горецкий очень даже просто мог ввести его в заблуждение по поводу агента, списка и нужно было ему, чтобы Борис попал в Батум для чего-то другого. Стало быть, постулат первый: никому нельзя верить в наше сумасшедшее время. Из всех бумаг у него в кармане одна только карточка с именем неизвестного Исмаил-бея. Карточку эту Борис нашел сам, никто в Феодосии про нее не знает. Значит, ему следует идти в кофейню Сандаракиса, уповая на Бога и свою везучесть,

иною выхода у него нет. Только так он сможет узнать, что же на самом деле случилось в гостинице «Париж».

Он не знал, что человек в белой шелковой рубашке и аджарской шапочке развил с утра бешеную деятельность. Прикинув приблизительно, где греки могли ссадить Бориса на берег, он обошел все подходящие забегаловки и лавчонки, постепенно сужая круг поисков. Лавку старьевщика он миновал, но зато побывал с расспросами в хашной. Слуга вспомнил молодого человека в потертом железнодорожном френче, небритого и пахнущего морем. Но он вспомнил также, что человек этот дал ему приличную купюру, и ничего не ответил на расспросы – грузинам присуще чувство благодарности.

– Вы позволите?

Борис буркнул что-то нечленораздельное, что было воспринято как разрешение, и к нему за столик подсел субъект с жалкими остатками благородного происхождения на давно не мытом и давно не трезвом лице.

– Официант! – махнул он рукой. – Водки!

Борис чуть поморщился и слегка отодвинулся от соседа – не слишком сильно, чтобы этой демонстрацией не оскорбить его чувств, – мало ли, еще нарвешься на неприятности.

Сосед демонстрации не заметил, но, получив ожидаемую водку, по всегдашней русской привычке захотел поговорить.

– Я вижу в вас русского человека, – начал он издали, – в этом густопсовом городе вокруг одни азиаты... Турки, персы, греки, итальянцы...

– Какие же итальянцы азиаты? – не утерпел Борис, хотя и понимал, что ответить соседу – большая ошибка: теперь уж точно привяжется.

– Азиаты-с! Как есть азиаты! Я вам больше скажу: даже и англичане здесь – азиаты! Потому только блюдут свою густопсовую азиатскую коммерцию. А мы с вами – русские люди! И место нам – в России! Там сейчас великое очищение происходит, Армагеддон, можно сказать. Россия наша кровью умывается... Как сказал поэт: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» А мы с вами здесь, в этой густопсовости азиатской.

– Что вы мне-то проповедь читаете? Ехали бы сами в Россию, коли так не терпится причаститься святых тайн!

– И поеду! – Лицо соседа загорелось лихорадочным нетрезвым энтузиазмом. – И непременно поеду! Поправлю только свое изношенное здоровье – и тут же поеду!

Борис хотел было сказать, что нищета и пьянство не слишком способствуют поправлению здоровья, но решил не усугублять ответной репликой нездорового красноречия своего соседа. Тому, однако, ничего и не требовалось – уж тем был доволен, что рядом с ним кто-то есть, и завелся пуще прежнего:

– Я ведь всю жизнь так в народ верил! И богоносец-то он, народ наш, и подлинной правды хранитель... А в восемнадцатом году разъяснили мне пьяные матросы да дезертиры всю эту подлинную правду... Как только жив остался – ума не приложу... Говорят, двум смертям не бывать, а одной – не миновать, так вот я в восемнадцатом четырьмя смертями умирал, четыре раза воскрес. И после этого моего четвертого воскресения попал я к каким-то новым бандитам, а у них главный – старичок такой сухонький, с маленькими глазками. Так вот выстроили перед ним всех, кого банда его поймала, а старичок ходит перед пленными и что-то себе под нос шепчет, а потом на меня пальцем указал: «Порите его, ребятушки, крахмальный его воротничок!» Как уж он после тифа, после четырех моих смертей, после того, как меня дезертиры в землю живого закопали, – как он после всего этого разглядел крахмальный воротничок – ума не приложу. Видимо, какое-то у него уже чутье развилось, классовое, что ли, чутье и классовая ненависть. И видел же, мерзавец, что я и без него бит-порот, убит-расстрелян, похоронен и обратно выкопан, что места на мне живого нет, так все ему мало показалось: порите его,

ребятушки. Может, и вправду – такие грехи на меня предки мои навесили, что и четырьмя смертями мне их не искупить?

– А как же вы сюда-то в Батум попали? Каким ветром вас занесло? – поинтересовался Борис.

– А и сам не пойму. Прибился я в Крым, раны свои залечивал да думал, как дальше жить, что делать, как чужие грехи искупать, а тут ко мне контрразведка добровольческая привязалась. Если старичок тот во мне полумертвом крахмальным воротничок разглядел, то этим я, наоборот, чуть не красным шпионом показался. И как-то они меня убедили сюда ехать, на «Пестеля» посадили, и – прощай, Россия... Как я теперь догадываюсь, они посмотреть хотели, что я здесь делать буду, куда побегу. У них со здешними властями связь налаженная, сюда из Крыма приезжают, здешние за ними присматривают и добровольцам быстренько доносят... А не поставите ли мне косушку, как русский русскому? Как мытарства свои вспомнил, так душа запылала, будто хутор в степи, – только водкой можно тот пожар загасить.

Борису сразу стало скучно: как он и подозревал, вся душещипательная история была рассказана случайному человеку с одной только целью – выклянчить на выпивку... Он дал соседу одну лиру и по радостному изумлению в его глазах понял, что дал много. Однако он считал эти деньги потраченными не зря: случайный собеседник подтвердил собственное его предположение, что Горецкий неспроста устроил ему побег в Батум. Значит, Горецкий ему не верит, подозревает в нем убийцу и шпиона? Ну что ж, Борис ему тоже не верит.

День пошел на вторую половину – в южном городе время течет незаметно. Борис Ордынцев шел по Мариинской, спрашивая кофейню. И хоть все обитатели города – грузины, армяне, греки, персы, англичане, итальянцы – понимали по-русски, никто не мог указать ему дорогу. Наконец попался соотечественник, которого Борис угадал по выражению решительного недоверия ко всему, что он видит перед собой. Узнав про кофейню, русский сделал пренебрежительную гримасу и ткнул пальцем в сторону. Дом и верно стоял на Мариинской, но дверь кофейни выходила в маленький тупичок. Кофейня располагалась в полуподвале, и когда Борис спустился по каменным ступенькам, выщербленным тысячами подошв, ему показалось, что он находится не то в трюме пиратского корабля, не то в преддверии мусульманского ада. Полутемное помещение было наполнено сладковатым туманом, в котором смешивались запахи кофе, коньяка и опиума. Кофейня была полна разномастного разноплеменного люда – персы, турки, итальянцы. Все они говорили по-русски, потому что каждый попавший в Батум иностранец начинал разговаривать на этом языке через два дня. И столь же общим языком был язык турецкой лиры. Турецкая лира была кровью этого города, его воздухом, главным предметом торговли. Курс лиры знал каждый мальчишка на улице, каждый чистильщик сапог, каждый разносчик газет. Объявляли курс лиры ранним утром булочники – вежливые спокойные турки. Откуда они узнавали его – одному Богу известно, однако в каждой булочной всего города утром сообщался один и тот же новый курс.

Не успел Борис спуститься, как к нему подлетел какой-то скользкий тип и промурлыкал на ухо:

– Могу предложить четыре вагона английской тушенки! Очень, очень дешево! Сказочно дешево! Прямо с военного склада!

В ту же минуту счастливого обладателя тушенки оттер рыхлый желтолицый коротышка и хрипло прокаркал:

– Не верьте, не верьте! У него и тушенки-то этой нет, у него одни накладные. Вам нужна тушенка на бумаге? Вот я вам могу предложить транспорт настоящего сенегальского индиго! – Увидев недовольство в глазах Бориса, коротышка мгновенно перестроился: – Впрочем, если вас интересуют только накладные, я вам этого тоже сколько угодно достану... на накладных тоже можно сделать очень хорошие деньги...

Борис с трудом вырвался из цепких лап коммерсантов и, пробившись к худому смуглому официанту, негромко его спросил:

– Где я могу найти Исмаил-бея?

Официант шарахнулся так, будто перед ним вдруг из шляпной коробки вылезла гремучая змея. Борис пожал плечами и стал оглядываться в поисках менее нервного информатора. Официант, опомнившись и испугавшись, что Борис продолжит свои расспросы, осторожно взял его за плечо, прижал палец к губам и указал на дремавшего в углу с кальяном старого турка. И хоть все это начинало Борису сильно не нравиться, он подошел к старику и, наклонившись, повторил свой вопрос. Турок поднял к нему изрезанное морщинами смуглое лицо и открыл глаза. Борис отшатнулся от неожиданности: глаза старика были закрыты бельмами, он был совершенно слеп. Рука турка приняла красноречивое положение, и Борис вложил в нее лиру. Ощупав бумажку и одобрив ее, турок шелкнул пальцами. Рядом с ним в стене открылась маленькая дверка, оттуда высунулась огромная волосатая лапа и втащила Бориса в темный коридор. Там его куда-то волокли, куда-то толкали и наконец втолкнули в маленькую полутемную комнату.

Если кофейня оказалась Борису преддверием ада, то здесь был уже сам ад. Более разбойничьих физиономий ему еще не приходилось встречать, хоть он сталкивался и с красными, и с зелеными, и с черноморскими пиратами. Тусклый свет коптилки, освещавший комнату, вырывал из темноты то чей-то черный, беззубо усмехающийся рот, то глаз, закрытый грязной повязкой, то провалившийся от дурной болезни нос.

К ногам Бориса подкатился пузатый рыжий карлик с непомерно большими руками и отвратительно писклявым голосом спросил:

– Ну, золотой-серебряный, это ты хотел увидеть Исмаил-бея?

– Уж не ты ли это будешь? – насмешливо ответил Борис вопросом на вопрос.

Ему было очень неудобно. Эти дьяволы могут зарезать просто так, к примеру, понравятся им его английские ботинки. Комната между тем затряслась от дружного хриплого хохота.

– Черевичка – Исмаил-бей! – раздавались отдельные голоса. – Ну, уморил!

– Да, я – Исмаил-бей! – надменно пропищал карлик и встал в горделивую позу, высоко задрав уродливый дегенеративный подбородок.

Но долго так не простоял, потому что сам залился отвратительным визгливым хохотом.

– Ладно попусту языком трепать, – раздался в глубине темного помещения глухой повелительный голос, – заприте этого в подвале, Исмаил-бей придет – разберется. Черевичка, проводи гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.